

Юлия ЛИСТ

ТЫ УМРЁШЬ ВЛЮБЛЁННОЙ

Она обнаружила слезку,
но было поздно...

Следствие ведет ПРОФАЙЛЕР

Следствие ведет профайлер

Юлия Лист

Ты умрешь влюбленной

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лист Ю.

Ты умрешь влюбленной / Ю. Лист — «Эксмо»,
2023 — (Следствие ведет профайлер)

ISBN 978-5-04-195594-6

К Вере — психологу из агентства профайлера Эмиля Герши — обратился странный человек. Он представился знаменитым уличным художником и попросил вернуть картину, которую прилюдно уничтожил во время торгов... Незнакомец сознался, что картину приобрела его мачеха — жена покойного главы аукционного дома «Ардитис». Художника обманули, подсунув в раму со шредером подделку. В это воскресенье вдова собирается устроить закрытый аукцион в фамильном поместье. Как в старых добрых детективах, в замке на скалах у моря собралось десять человек... В остросюжетных романах Юлии Лист из серии «Следствие ведет профайлер» всегда присутствует битва интеллектов — яркий антагонист, делающий вызов главным героям. Легкость сочетается с интеллектуальностью, а научная канва — психология лжи — со светлой и беззаботной атмосферой жизни в европейской столице.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-195594-6

© Лист Ю., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1. День дурака	12
Глава 2. Быть Сальвадором Дали	17
Глава 3. Слепой гость	24
Глава 4. Книжный на улице Карм	34
Глава 5. Прогулка по ночному Парижу	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Лист

Ты умрешь влюбленной

© Лист Ю., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

Суббота, 1 апреля

– Стойте там, где стоите, – приказал мужской голос, в котором дрожало волнение. Веру толкнули, она ударилась о стену плечом. Между каретными воротами и решеткой, загораживающей внутренний дворик особняка Шенизо, было тесно, серо, но не темно. Устрашающие пики решетки казались ровным рядом конвоиров, но сквозь них проникал дневной свет.

Будь Вера чуть внимательней, обнаружила бы слежку еще в парке Тюильри.
Часом ранее.

Сияло солнце, по брусчатке ползли длинные тени от зданий, всюду цвели магнолии. В Париж пришла весна. Только что отгремели все забастовки и на улицах воцарилась привычная суэта. Праздные посетители кафе заняли свои столики на тротуарах под красными маркизами, в парки, музеи, галереи вернулись туристы и любители прекрасного, с обочин стали убирать мусор – этим заведовала частная компания, поэтому город мечты почти не пострадал.

Впервые за несколько дней Вера Максимова вышла прогуляться. График ее работы был довольно плотным – нужно периодически проветривать голову, иначе мозг просто взорвется от постоянных опросных бесед, которые она проводила. Неплохо бы успеть посмотреть, как отцветают последние магнолии в саду Тюильри. Но в субботний полдень там толпилось столько туристов с фотоаппаратами, что пришлось ретироваться.

За полгода жизни в Париже, успев познакомиться со всеми закоулками и интересными местами города, Вера научилась обходить наводненные туристами точки. Быстро пройдясь по аллее Тюильри, сфотографировав пару деревьев на смартфон, она повернула к воротам и двинулась в сторону Шатле. Раньше, когда она была блогером, проторчала бы здесь, снимая сторисы и рилсы, не меньше часа. Но шеф отучил от блогерства, показав, как за пару минут можно взломать любую страничку в соцсети.

Шагая по набережным и подставляя белое после зимы лицо солнцу, сняв берет и встряхнув светлые, чуть взлохмаченные волосы, наслаждаясь первой зеленью и запахом прошедшего утром дождя, она представляла, что впереди ее поджидает какое-нибудь безумное приключение.

Париж, тепло, весна – пора любви... Должно случиться что-то интересное! Не все же время корпеть с графиками по корпоративному профайлингу, высчитывая для компаний более подходящие кандидатуры на должности. Детективному бюро, в котором она работала психологом с осени прошлого года, давненько не попадалось какое-нибудь заковыристое дело с головокружительной историей.

Но, как говорится, бойтесь ваших желаний, они иногда сбываются.

Целью Веры был остров Сен-Луи в центре Сены, по каким-то непонятным причинам не облюбованный туристами, практически всегда пустынный, застроенный домами, которые застали еще времена мушкетеров. Сюда не водили своих подопечных экскурсоводы, хотя место очень живописное, наверное, потому, что слишком длинный у Парижа список из разряда «must see», туристы просто не успевали сюда попасть. Тихие улочки, густо застроенные особняками семнадцатого-восемнадцатого веков, – что может быть лучше для любительницы романов Александра Дюма, а еще больше – его экранизаций!

Свернув на улицу Мадам без головы, названную в честь действовавшего давным-давно кабаре, Вера, блаженно улыбаясь, разглядывала уже ставшие знакомыми маленькие кафе, лавочки, сапожные мастерские и пекарни, которые перемежались с большими арочными, старинными каретными воротами. Порой стены были увиты сочно-зеленым плющом, встречались богатые особняки в стиле барокко и рококо с ажурными коваными балкончиками, каменными

маскаронами и химерами, которые выглядели так устрашающе, что казалось, по ночам они оживают, летая над крышами Парижа.

Больше всего Вера любила стоять у отеля Шенизо – жемчужины острова. Скоро здесь откроют музей. Интересно было подсматривать в приоткрытые двери за реставрационными работами. Иногда ей удавалось увидеть, как вносили запакованные в плотную пластиковую пленку скульптуры и картины. Когда ворота были заперты, открытой оставалась калитка в них, подпертая мусорным ведром, из которого торчали использованные банки из-под краски и старые кисти. Калитка манила приглашающим жестом, и Вера стояла в шаге от порога, борясь с искушением войти.

И она не заметила, как темная тень скользнула в эту калитку в тот самый момент, когда она, задрав голову, разглядывала балкон. Она вся провалилась в созерцание и фантазии о том, как было бы чудно стоять здесь в пышном платье, с напудренным париком на голове, в цветах, и в это время кто-то больно схватил ее за руку и грубо втянул в ворота особняка.

Сжав в одной руке телефон, на который она собиралась запечатлеть красивый балкон, в другой – сумочку и берет, Вера приготовилась к обороне. Между воротами и решеткой, перегородившей внутренний дворик, к стене прижимался некто, одетый так, что Вера сначала приняла его за Эмиля – своего шефа. Темная толстовка с капюшоном, опущенным на лицо, черные джинсы, темно-синие кеды «Конверс». Но голос незнакомый – густой, благородный, чуть дрожащий.

Чутье подсказывало, что это не грабитель, а очередной клиент, который предпочел остаться инкогнито, не идти в бюро открыто, а подкараулить кого-нибудь из сотрудников.

– Я могу вам помочь? – спросила Вера, но сумочку она все еще крепко прижимала к груди, в любую минуту готовая защищаться ею.

– Помочь! – повторил тот рефреном не то в насмешку, не то оттягивая время, потому что не решался начать разговор. Кажется, он был сам до чертиков напуган своим поступком. И, возможно, уже пожалел о нем.

– Вы же в бюро Эмиля Герши хотели обратиться? – высказала свое предположение Вера. Послышался нервный смешок.

– А вы очень быстро догадались о моем намерении, – ответил грабитель.

У него был легкий акцент, скорее всего американский или британский. За полгода в Париже Вера научилась улавливать множество оттенков в речи горожан космополитичной французской столицы.

– Наверное, вы и сами догадываетесь, что догадываться – мой основной род деятельности, – скалабурила Вера, скривив улыбку, и убрала телефон в сумочку, громко щелкнув магнитной застежкой. – Зачем было хватать за руки и втягивать сюда? Неужто на вас дух острова Сен-Луи так подействовал? О эти времена мушкетеров, злых кардиналов и прекрасных дам, роняющих на мостовые платочки...

Что она несет! Вера заметила, что ее пальцы, которыми она наглухо застегивала песочного цвета тренчкот, слегка дрожат, пуговицы не попадают в петли. Все-таки она знатно перепугалась.

– Что вам надо? – спросила она, туго затянув пояс, будто это помогло бы оказать должное сопротивление, надела берет и сделала шаг от стены.

– Нет! Стойте там, – едва не взвизгнул незнакомец, нервно выпростав руку. Вера отметила, что руки у него были похожи на эмилевские – такие же тонкопалые, сухожилые.

И ее сердце забило немного сильнее, хотя куда же еще, оно и так норвило выскочить из груди.

Ей опять на секунду показалось, что это Эмиль решил ее разыграть и говорит нарочно измененным голосом, добавив акцент! Ведь сегодня было первое апреля, а во Франции День дурака отмечался с особым размахом. Можно сказать, что праздник изобрели французы. Пол-

города ходило с рыбками на спинах, вырезанными из цветной бумаги и приклеенными на скотч, все стараются друг друга поддеть и на чем-то подловить. В России говорили: «У вас вся спина белая», а во Франции – «У вас рыба на спине». И повелось здесь поздравлять друг друга с апрельской рыбой аж с шестнадцатого века, с тех пор как папа Григорий XIII ввел в обиход новый календарь и празднование Нового года переехало на первое января. А те, кто продолжал отмечать его первого апреля, конечно, тут же были записаны в дураки.

– Сегодня тот день, когда мы вспоминаем, кто мы есть все остальные триста шестьдесят четыре дня в году. – Вера вложила в эту фразу все презрение, на которое была способна, надеясь этим вывести шутника из равновесия. Она не видела лица незнакомца, и от этого ей было не по себе. Эмиль это или нет?

– Марк Твен... – озадаченно пробормотал незнакомец и еще ниже опустил капюшон, скрыв за ним даже подбородок. Нет, это точно не Эмиль, того литературной цитатой с ног не сбить. – А я и забыл, какой сегодня день! Нет... – Он захлебнулся вздохом, в котором смешались негодование и обида. – ...я не собирался вас разыгрывать. Мне действительно нужна помощь.

– То, что вы говорите со мной, отворачиваясь, – злилась Вера, – немного подбешивает.

– Я не должен быть узнан! Иначе все пропало. История попадет в газеты, и тогда...

Он не закончил, окончательно сконфузившись. Вера ничего не сказала – пусть уже сам выпутывается из этой глупой ситуации, кем бы он ни был.

– Дело в картине одного известного художника, – нарушил тишину он, промолчав почти целую минуту. – Я тот самый художник, и я не должен быть узнан.

Вера непроизвольно нахмурилась, обдумывая его слова.

– Не-ет, – протянула она, начиная догадываться. – Вы кого имеете в виду? Бэнкси? Или есть другие уличные художники, которые так рьяно хранят инкогнито?

– До чего же вы быстро догадываетесь! – нервно огрызнулся он. – Зря я все это затеял.

– Ну уж нет, – повторила Вера строго, как учительница. – Вы – не он! Хотя бы потому, что трусливо жметесь к стене, а Бэнкси исписал сотни тысяч стен, излазил столько городов и чего только не делал. Протащил слона на выставку, вешал свои картины прямо в музеях, куда и бутылку воды пронести нельзя!

– Не вам судить о...

– К тому же Бэнкси ведь не писал картин. Он писал на уличных стенах. Он художник стрит-арта!

– Вовсе нет! Были холсты и... много. Один холст я... даже продал на аукционе Сотбис.

– Зачем называться Бэнкси, когда это явно не так? – дожимала Вера.

Ее возмущало, что взрослый мужчина ведет себя как подросток.

– Я у вас помощи прошу, а не нравоучений! – слетели с его губ отчаянные слова.

– Хоть сто раз меня ты бей, но ты не Бэнкси! – Вера была безжалостна.

– Мы разве переходили на «ты»?

– Это фраза из кино, из «Истории рыцаря» с Хитом Леджером. «Хоть весь день меня ты бей, танцевать ты не умеешь». А вы не умеете притворяться. Тоже мне! Затащить барышню в темную подворотню...

– Это не подворотня, а особняк Шенизо! – оскорбился художник.

– И втирать ей, что он – Бэнкси, разодевшись как клоун.

– Да, черт возьми. – И незнакомец стянул с головы капюшон, выпрямившись. – Все, вот, глядите! Пожалуйста! Довольны?

Они замолчали, впившись глазами друг в друга.

Вера не учла одной детали: она не знала, как выглядит настоящий Бэнкси. Никто не знает, как выглядит Бэнкси.

Единственное, что она знала, – художнику около сорока. Человеку, стоящему перед ней, на вид тридцать пять – сорок. Коротко стриженные русые волосы, серые глаза, аккуратная щетина, за которой тот, видно, ухаживал. Лоб пересекали две глубокие морщины.

– И... что? – наконец сдалась Вера, не зная, как продолжить схватку.

– Вы обезоружены. – Незнакомец сжал губы, чтобы не допустить улыбки.

– Нет, это не так, – непроизвольно ответила она, хотя, как психолог, полностью соглашалась с этой сентенцией. Но сдаваться не хотелось. Ей не доказать, что перед ней был настоящий или ненастоящий Бэнкси.

– Ладно. Что за картина? Чего вы хотите? – Она набросила сумочку на плечо и скрестила на груди руки.

Вместо ответа незнакомец вынул из заднего кармана джинсов баллончик с черной краской и какую-то картонку, которую быстро развернул, приложил к стене, придерживая коленями и предплечьем. Несколько ловких нажатий на баллончик, и появилась маленькая девочка в коротеньком платьице, протягивающая руку в небо. Спрятав в кармане баллончик с черной краской, он достал красный и другой трафарет, и рядом с девочкой появился улетающий красный шарик в форме сердца.

Это была знаменитая «Девочка с воздушным шариком» Бэнкси, растиражированная на сотни тысяч шаблонов, которые появлялись сначала на стенах городов, потом успешно переехали на майки, чехлы для телефонов, школьные тетрадки, шоперы и множество других мелких предметов обихода в качестве украшения наряду со «Звездной ночью» Ван Гога, «Джокондой» да Винчи и кудрявой головой Давида работы Микеланджело.

– Картина была уничтожена самим Бэнкси четыре года назад. Вы, может быть, слышали эту историю, нет? В октябре две тысячи восемнадцатого.

– Нет, – покачала головой Вера, чуть успокоившись, потому что ее новый клиент перестал корчить из себя Бэнкси и заговорил серьезно. Они встали напротив граффити и оба смотрели, как маленькая девочка тянет руку к улетающему шарик, не то прощаясь с ним, не то желая остановить.

– На аукционе Сотбис, сразу после того, как было объявлено, что картина продана, встроенный в раму шредер разрезал ее на мелкие полоски... Вот, – он вынул из кармана айфон, быстрыми движениями пальцев набрал в поисковике несколько слов, нажал на «плей» и протянул телефон Вере. На экране старенького допотопного пятого айфона с треснутым экраном появилось видео с аукциона: множество людей, аукционист выкрикивает несусветные цены, стучит молоточком, затем наступил момент продажи, озаменованный его радостным криком и взмахом руки, все снимают, что-то обсуждают, но вдруг картина начинает выползать из-под рамы. И все видят, что это уже не картина, а лишь груда тонких полос...

– Я не знала об этом! – удивленно воскликнула Вера. – Неужели он сделал это?

– Он задумывал это с самого начала. Вы правы, говоря, что он художник стрит-арта, он не создает холсты. Разве только для подобных забав. Более того, он против аукционов, галерей, музеев и продажи предметов искусства. Он борется с этим. Он задумал перформанс, и он его осуществил. Этот случай люди называют поворотным моментом в истории искусства. Это прямая цитата директора женевской часовой компании «Де ла Кур» Пьера Кукджяна.

– Но что же вас не устраивает? Бэнкси просто гений! – развела руками Вера. – Он продал свою картину за кучу бабок и тут же уничтожил ее.

– Меня все устраивает, я полностью на стороне его принципов. Но картину купил мой отец.

Вера открыла рот, но совладала с собой и захлопнула его, больно щелкнув челюстью. Застонав и зажав рукой рот, она отвернулась.

– Вы удивлены? – Он обежал ее и заглянул в лицо.

– Да, теперь-то вы признаетесь, что не Бэнкси? – сквозь пальцы спросила Вера.

– Но я должен защитить его интересы!

– Так кто вы? Я не смогу вам помочь, не узнав этого.

– Я не могу сказать. Имена тех, кто покупает произведения искусства, неспроста остаются никому не известны. Вы должны это понимать! Иначе... я бы не стал просить вас об услуге подобным образом. Теперь-то вы должны понять этот маскарад, за который я... прошу прощения.

Вера приподняла одну бровь, безуспешно щупая лицо и пытаясь вернуть челюсти на место.

– Что тогда вы от меня хотите?

– Слушайте дальше. – Он поднял в академическом жесте палец, будто профессор на университетской кафедре. – Мой отец собирался приобрести его картину с самого начала, он был инициатором того, чтобы Бэнкси перенес это граффити на холст. Он знал, что с этим художником невозможно договориться, он задумает что-то экстраординарное. Его выставки всегда отличались экспрессией. Вы упомянули, что он использовал слона на выставке. Это было, кстати, в Лос-Анджелесе.

Вера хотела что-то сказать, но незнакомец сделал нетерпеливый жест и продолжил:

– Люди моего отца находились рядом с Бэнкси долгое время в качестве кинооператоров, помощников, они следили за ним. Несмотря на то, что он до сих пор сохраняет инкогнито, его достаточно легко найти и взаимодействовать с ним. В общем, в последний момент перед аукционом холст Бэнкси был подменен на копию. Мой отец увез с выставки Сотбис разрезанную копию и тут же ее уничтожил. Пока весь мир обсуждает поворот в истории искусства и величайший из перформансов, пока все гоняются за этими полосками холста или выставляют на продажу другие картины Бэнкси, которые разрезали самостоятельно, в подвале нашего замка хранится «Девочка с воздушным шариком». Не уничтоженная, и получается, что украденная.

Вера перестала тереть щеку, брови ее взлетели от удивления.

– Вот, – незнакомец вытянул в ее сторону палец. – То же самое чувствую я. Разочарование! Именно это написано на вашем лице. Если художник пожелал уничтожить свое детище, так тому и быть. Ведь правда? Нет? Никто не имеет права ему помешать, если он решил уничтожить свою картину, будь это даже великое наследие человечества.

Вера бросила взгляд на девочку на стене и подняла глаза на собеседника.

– Может быть, сейчас бы я и поверила, что передо мной Бэнкси.

У него горели глаза совершенно особенным, праведным огнем. Это был человек творческий, несомненно, разбирающийся в искусстве, возможно, тоже художник. В том, был ли он Бэнкси, Вера засомневалась столь остро, что ей даже стало душно. Акцент английский, возраст подходящий, видно, что вращается в кругах состоятельных особ...

– Спасибо, что вы не стали осуждать мои чувства и... этот мой дурацкий поступок. – Он подался вперед и даже поднял руку, собираясь коснуться ее плеча, но не смог этого сделать из свойственной ему стеснительности, которую Вера уже успела отметить.

– Это все очень странно! – сказала она.

– Это деньги, власть, грязный мир бизнеса. Хотел бы вам сказать: «Добро пожаловать!», но воздержусь. Картину надо уничтожить. И именно тем самым способом, как было задумано. Шредером. В раме.

– Но не хотите ли вы сказать, что просите сделать это наше бюро?

– Именно это и прошу.

– Но это невозможно.

– Возможно! У меня есть план, – перебил ее нетерпеливый клиент. – В пасхальное воскресенье моя мать собирается устроить аукцион в узком семейном кругу. Она посвятит всех в тайну неуничтоженной картины, таким образом набив ей цену, и продаст... На аукционе будет

присутствовать некий таинственный клиент, имя которого я так и не смог выяснить. Но человек, несомненно, важный, мать вела с ним переговоры больше года.

– А куда же смотрит ваш отец на такое своеволие жены?

– Он умер... две недели назад.

Мнимый Бэнкси опустил голову.

– Ох, мои соболезнования!

Он поморщился.

– Спасибо. Я вышлю приглашение на ваши имена, таким образом вы тоже попадете на аукцион. Но дело этим не заканчивается. Картину надо найти и вставить в раму. Где она – знает только мать. Но место выбирал отец. Ваше бюро занимается предиктивной аналитикой, профайлингом, как говорят криминалисты. Вы проникнете в его мысли, чтобы понять, куда он мог ее спрятать. Одно могу сказать – она в замке. У вас неделя, чтобы собрать нужные материалы, воспользоваться вашими волшебными профайлерскими техниками и отгадать, где картина.

Вера хотела его остановить, но он не дал ей сказать ни слова – вдруг на секунду стиснул ее плечи, отодвинул в сторону и выскочил из калитки на улицу.

Ничего себе клиент! Он не сказал, ни как его имя, ни кто его отец, ни что за замок, в котором спрятана картина. Полагает, что сотрудники детективного бюро сами должны догадываться о таких вещах?

Она шагнула из калитки, глянула налево, направо и быстрым шагом пошла в сторону набережной, чтобы поскорее добраться до правого берега Сены и улицы Л'Эшикье, где располагалось бюро агентства Эмиля Герши. Прямо на ходу она достала телефон и принялась гуглить последние новости в поисках, кто из известных коллекционеров Франции скончался две недели назад. В принципе, незнакомец оставил достаточно зацепок.

Глава 1. День дурака

– Что? – вскричал Эмиль, отъезжая на своем космическом кресле от компьютерного стола. – Да он разыграл тебя! Сегодня же первое апреля?

– Знаю, – нахмурилась Вера. Ее терзали странные чувства – от желания, чтобы столкновение с мнимым Бэнкси оказалось шуткой, до того, чтобы Эмиль перестал делать такое кислое лицо и поверил ей. – Я целый час скролила новостные ленты, чтобы найти сообщение о смерти знаменитого коллекционера. И знаешь, что я нашла?

– Я понял! – Эмиль заломил руки за затылок, раскинув в стороны локти, и широко улыбнулся. Почему-то его лохматые, выкрашенные в иссиня-черный цвет волосы, неизменная синева под глазами на бледном лице полуночника-игромана и зеленые, как у кота, глаза сейчас начали выводить ее из себя. – Ты меня разыгрываешь.

В кабинете Эмиля Герши царили мрак, стерильность и тишина, нарушаемые лишь свечением трех огромных экранов, жужжанием нескольких блоков с процессорами и уложенными в аккуратные улитки проводами под столом из шоколадно-бурого палисандрового дерева. Окна были занавешены черными непроницаемыми шторами. У стены высились стеллажи, на полках ровными рядами стояли папки, в которых хранились триллионы распечаток скриншотов видео человеческих лиц. Эмиль коллекционировал эмоции, он был одним из лучших криминалистов Парижа, не считая его сестры Зои, которая умудрялась прятать свое криминалистическое образование под маской гида в Лувре. Но она разбиралась в искусстве так же хорошо, как в душах маньяков, в этом Вера убеждалась не раз.

Эмиль, восседаая в кресле, стал вращаться вокруг своей оси.

– Смерть основателя аукционного дома Ардитис обсуждается уже две недели на всех новостных каналах. И тебе понадобился час, чтобы это выяснить? – насмешливо спросил он.

– Знаешь ли, я не слежу за основателями аукционных домов, мне хватает наших клиентов. – И Вера кинула многозначительный взгляд на стеллажи. Корпоративным профайлингом Эмиль занимался лишь ради того, чтобы тайком снимать людей, которые не знали, что их искривленные эмоциями физиономии пополняют его коллекцию. – Но я поизучала его жизнь.

– Полагаешь, с тобой только что встречался его сын? Интересно, который? Их у него два.

– Было трое. Средний, родившийся в восемьдесят пятом, умер в восьмилетнем возрасте.

– Верно. – Эмиль усмехнулся и, подъехав к столу, открыл поисковик.

Через минуту-две молчания он стал зачитывать вслух:

– Рене Ардити, 1954 года. Предприниматель, коллекционер и меценат итальянского происхождения. На 2020 год состояние Ардити оценивалось в 12,4 миллиарда долларов, что ставит его на пятьдесят шестую строчку в списке богатейших людей планеты по версии Forbes. Родился в Париже, старший сын Анри Ардити, основателя Mousse Marine, одной из крупнейших европейских косметических компаний. Незадолго до кризиса 1973 года Рене продал компанию отца британским инвесторам за сорок пять миллионов франков, а после кризиса выкупил обратно всего за пять миллионов. Ему тогда было девятнадцать! Можешь себе представить?

– Представляю этакого Ди Каприо из «Поймай меня, если можешь», – улыбнулась Вера.

Эмиль покосился на нее, дернув краем рта в улыбку, и продолжил читать:

– Женился на вдове знаменитого скульптора Жауме Солера, у них родился сын, через три года – второй. По совету супруги основывает коммерческое предприятие по торговле коллекционными товарами. Позже покупает маленький, не очень известный, но со столетней историей аукционный дом «Де Бижу», сливает его с несколькими инвестиционными компаниями и открывает Ардитис.

Ныне его аукционный дом стоит в одном ряду с Кристис и Сотбис. Много бабла тратит на поиск утерянных во Вторую мировую предметов искусства. Благодаря ему были найдены несколько считавшихся уничтоженными фашистами картин Густава Климта. Почти все Ардити вернул их исконным владельцам, снискав, естественно, славу великодушного богача. Им найден Ван Гог – еще одни подсолнухи в вазе, Пикассо – его «Художник» голубого периода, который вроде разбился над Шотландией, но был, оказывается, спрятан в хранилище аэропорта. Ну, про «Леду и лебедь» Микеланджело ты, наверно, знаешь. После «Спасителя» да Винчи это была самая дорогая картина, проданная на аукционе Ардитис, за всю историю искусства со времен альтамирских бизонов палеолита¹.

– Нет, – покраснела Вера. – Вот этого... всего я не знала. И про «Леду» тем более.

Эмиль нацепил на лицо маску эксперта, убрал волосы назад и стал похож на ресторанный критик из «Рататюя».

– Считается, что Микеланджело отдал картину своему ученику, Антонио Мини, тот увез ее во Францию. В последний раз ее видели в королевской коллекции в Фонтенбло в тридцатых годах шестнадцатого века, в списке королевской коллекции она значилась под пометкой «сжечь». А сыщики Ардити – это целая агентурная сеть, между прочим, ребята что надо, – нашли ее в Италии, в частном особняке, висящей над камином, покрытой копотью.

Внезапно Веру осенило:

– А того Брейгеля два года назад ты искал по заданию... Ардити?

Эмиль повернулся к экрану, сделав вид, что не услышал вопроса.

– Ты тоже работал на Ардити? Ну? – настаивала Вера. – Зачем скрывать? Ты столько знаешь об этом аукционном доме!

– Да, – коротко ответил Эмиль и поджал губы. – Продолжим. В девяносто третьем сын Ардити – Шарль – погибает, почти сразу же и жена. Пятью годами позже наш миллиардер вновь женился – на красавице танцовщице Сильвии Боннар, дальней родственнице художника Пьера Боннара. От нее у Рене Ардити тоже есть сын... бла-бла-бла... Не с ним ты виделась – со старшим, скорее всего, с Даниелем. Младшему, Ксавье, сейчас двадцать пять. Выдавать себя за Бэнкси мог только тот, что постарше. К тому же он немного сумасброд... Я бы не сказал, что прямо не все дома, просто с особенностями. Он преподает в Школе Лувра, изучал историю искусств в Лондоне, профессор. Зоя у него училась, была страшно влюблена, резала из-за него вены.

– Что? Правда? Кошмар какой! До чего мир тесен... Значит, его зовут Даниель? – проговорила Вера. Присев на край стола, она рассматривала многочисленные фотографии, от которых несло шиком и блеском высшего общества.

– Этот? – Эмиль указал на высокого худого мужчину в шикарном сером костюме, вышгивавшего из черной иномарки. Русые волосы коротко стрижены и идеально уложены, щетина, высокий лоб, взгляд ярко-голубых глаз с поволокой.

– Если бы я его не видела достаточно близко, то подумала бы, что это Бекхэм или Брэд Питт.

– Что, сильно отфотошопили? – поднял бровь Эмиль и хмыкнул. – Не такой и красавчик, полагаю?

Вера пожалала плечами, стараясь не выдать того факта, что таинственный незнакомец, к несчастью, запал ей в душу.

– У него брат погиб и мать с разницей в год, – проронила она как можно равнодушной.

– Это очень важная деталь. Возможно, от нее и стоит плясать. Кроме того, что он главный наследник состояния недавно умершего отца, еще и уличный художник. Дважды его заста-

¹ Альтамира – пещера в Испании с наскальными рисунками времен позднего палеолита.

вали за пачканьем стен. Каждый раз отец отмазывал, естественно. В газеты попадали слухи и намеки, что он Бэнкси, но как-то не прижились.

– Правда? Он ведь долго учился в Лондоне. Даже по-французски говорит с британским акцентом.

– Это верно. – Эмиль странно приник к экрану. Вера уже научилась различать, когда ее шеф врет или что-то задумал. Правда, у него всегда одинаковый вид и когда врет, и когда что-то задумал.

– Многие знают, – проронил он, – что старший сын владельца аукционного дома Ардитис порой выражает социальную позицию и политические взгляды весьма неординарным образом. Он отказался от должности исполнительного директора, хотя какое-то время вел лондонский филиал Ардитис. Сейчас исполнительным директором назначен Ксавье – сводный брат, сын танцовщицы. Молодой, амбициозный, зубастый и пройдоха. А наш клиент – из тех, кто всецело занят творчеством и преподаванием, живет очень скромно, снимал квартиру не больше твоей, вся она была забита книгами и мольбертами. Как-то доводилось бывать.

– Каков его психологический профиль? – спросила Вера. – На твой взгляд.

– Очень сложный тип. С одной стороны – эмотивный шизоид, точнее, таким он кажется, с другой – истероидный шизоид, сам в себе, с третьей – паранойяльный истероид. Поэт, нарцисс. И фантазер. Ты же знаешь, фантазеры – все... – Эмиль скривил лицо, выражая гримасой антипатию к той когорте людей, которые не вписывались в его таблицы, графики и разнообразную типизацию. – Да и вообще, я не особо задавался этим вопросом. Он просто пару раз заказывал у меня поиски утерянных предметов искусства.

– Значит, именно он? А почему сейчас не пришел к тебе, а подкараулил меня в подворотне?

– Потому что... – протянул Эмиль, еще ближе подъехав к компьютеру. – Потому что... мы не сошлись во мнениях в одном месте из Блаженного Августина.

– Понятно, – усмехнулась Вера, прекрасно понимая, что Эмиль позволил себе пару резкостей по отношению к сыну миллиардера. И теперь тот, видимо, посчитал ниже своего достоинства обращаться к шефу детективного бюро напрямую.

– А вот что еще касается смерти Рене Ардити... – начал Эмиль. Вера спохватилась:

– Да, он умер очень странно. Попасть в перестрелку во время утренней пробежки! Как это вообще возможно? У него не было охраны?

– Как ни странно, он всегда ходил без охраны. Встретишь его на улицах Парижа – нипочем не скажешь, что это миллиардер. Так, хипстер: кепка, потертый пиджак, джинсы с растянутыми коленками. Он ездил на самокате! Кстати, завтра голосование, самокаты хотят запретить, имей в виду. Ему было под семьдесят, а выглядел на пятьдесят, бегал по утрам всю свою жизнь, не то вегетарианец, не то фруктоед, в каких-то марафонах вечно участвовал. И вот ему не повезло пробегать мимо банды мелких наркодилеров, которые устроили перестрелку.

– В котором часу это было? И где?

– В половине шестого утра. У моста Руаяль, недалеко от музея д'Орсе.

– Не знала, что наркоманы так рано встают.

– Скорее – так поздно ложатся.

– Все равно – неестественно как-то, – скривилась Вера.

Эмиль посмотрел на нее искоса.

– А дело взял твой дядя, Кристоф?

– Он патрон уголовной полиции Парижа как-никак. Такая важная птица, как Ардити, заслуживает его внимания.

– И что же ему удалось... узнать? – осторожно спросила Вера.

– Мелкая, ничего собой не представляющая банда, промышлявшая травкой... Да даже не банда, как это записали в полицейских отчетах, а компашка любителей пыхнуть с друзьями

– пара музыкантов, студент, старый художник. Все были расстреляны так, будто под мостом Руаяль разыгралась сцена из «Бешеных псов» Тарантино. Они будто наставили друг на друга пушки и разом начали палить. А подбежавший к ним Рене Ардити словил шальную пулю в бедро. Он упал в воду и истек кровью раньше, чем приехала «Скорая».

– Первый вопрос, который хочется задать: сколько пар ног там наследило?

– Это под мостом, детка! – усмехнулся Эмиль. – Там порой спят бомжи, блюют наркоты, насилюют проституток...

– Но это же центр Парижа, – в ужасе отшатнулась Вера.

– Ты до сих пор смотришь на Париж через фильтр, загруженный прямо в твою восторженную голову, предпочитая замечать только вылизанные туристические пяточки.

– Ладно, просто я подумала, что разыграть сцену из «Бешеных псов» могли бы с помощью кого-то. Например, убитые были под наркотическим опьянением. Каждого друг за дружкой ставили, стреляли, укладывали... Может, есть член этой банды, компашки, кто в тот вечер... то есть утро... не участвовал в происшествии?

Эмиль долго смотрел на Веру так, будто она вдруг заговорила на валирийском² или клингонском³, а потом нахмурился:

– Ты откуда это знаешь?

– Что?

– Про то, что пятый дружбан не явился на стрелку.

Вера смутилась.

– Я не знаю, я лишь предположила! Ты сказал, что все было, как в «Бешеных псах», и я подумала, что сцену можно повторить в реальности. А мертвых разложить как кукол.

– Иногда я думаю, может, посоветовать парижской школе полиции включить в программу курс киноведов? Ты слишком много смотришь кино!

– Так это возможно или нет?

– Но только если тот, кто это сделал... – Эмиль недоговорил, резко поднялся, схватив со стола свой смартфон – айфон самой последней, четырнадцатой, модели, стал нервно кружить по кабинету, набирая сообщение. Вера знала, что он писал своему дяде – Кристофу Герши, дивизионному комиссару, бывшему начальнику BRI, нынешнему начальнику парижской уголовной полиции, – делился идеей, которая только что пришла в голову Вере.

– Надо уточнить у судмедэкспертов, – Эмиль нажал кнопку «отправить» и сунул гаджет в задний карман джинсов, – не заметили ли они чего необычного. Если такую сцену ставить, брызги крови и положение тел все равно будут кривыми. Ты умница! Это гениальная мысль. Черт, почему она мне не пришла в голову?

– Просто нужно время от времени смотреть кино, – ввернула Вера. – А что за пятый?

– Пятый был найден повешенным.

– Сам повесился?

– Он был под кайфом. Такого можно было взять за руку, отвезти куда угодно, как ребенка. Оформили как самоубийство... пока. Вообще есть еще одна трудность. Жена Ардити давит. Она не хочет шумихи, постоянно лезет с вопросами и торопит. Приятного мало – основателя Ардитис застрелили в перестрелке сбытчики травки. Мне было бы обидно умереть такой смертью. И все же, – Эмиль откатил кресло и уселся за компьютер, – не я один уверен, что миллиардеры так просто не кончают. Надо копать. Кристоф дело не закроет.

– А что нам делать с его сыном? Он собирается позвать нас на частный аукцион. Хочет, чтобы мы нашли картину в его замке. Кстати, что за замок?

² Вымышленный язык из серии романов Дж. Мартина «Песнь льда и пламени» и сериала «Игра престолов».

³ Искусственный язык из вселенной сериала «Звёздный путь».

Эмиль вздохнул, быстро набрав в строке поисковика какое-то название, а потом чуть сдвинул экран в сторону Веры. Перед ее глазами предстал удивительной красоты холмистый пейзаж и утопающий в кронах средиземноморских сосен, как бы нависающий над голубизной моря, настоящий средневековый замок из серого камня с зубчатыми стенами, башнями, бойницами и красной черепицей.

– Шато де Пон Д’Азур на Лазурном Берегу в ста двадцати километрах от Ниццы. В конце девятнадцатого века его купил и отреставрировал богатый русский ювелир. В две тысячи девятом у его предков замок выкупил Ардити.

– Ты был там? – не спросила, а выдохнула Вера.

– Нет.

– Хочешь принять предложение Даниеля Ардити?

Эмиль не ответил. Он вернул на экран игру, в которую резался, когда Вера его потревожила – тестировал новую РПГ с анимешного вида девицами, вооруженными луками и двуручными мечами, релиз которой должен был состояться в конце месяца. Он щелкал мышью, а по губам скользнула едва уловимая усмешка, которая могла значить все, что угодно. И то, что он предпочел бы продолжить резаться в свои игры на компьютере, чем лезть в игры миллиардеров, и горячее желание ребенка раскопать этот муравейник.

Глава 2. Быть Сальвадором Дали

Понедельник, 3 апреля

Школа Лувра... Было непросто вновь возвращаться туда, где в прошлый раз ее едва не короновали посмертно. Ритуал, в котором участвовала Вера, чтобы вывести на чистую воду преступника, до сих пор заставлял ее пробуждаться по ночам с криками и в холодном поту⁴. Или прямо среди бела дня ни с того ни с сего вздрагивать и бледнеть чуть ли не до обморока, когда вдруг вспоминалось мрачное подземелье. Самое обидное, что она возненавидела собак. Лязгающие, слюнявые пасти доберман-пинчеров тоже были частью ее кошмаров. И теперь она всегда шараялась в сторону, когда на улице кто-нибудь проходил мимо с питомцем на поводке, даже если это был йорк или чихуа-хуа.

Огромное количество людей, что наводняло двор Лувра вокруг пирамиды, поначалу действовало успокаивающе, но в конце концов пестрая толпа туристов, бесконечные вспышки, торчащие во все стороны селфи-палки начали ее утомлять. Вера взяла себя в руки, вынула из брезентового рюкзака кепку, надела, натянув козырек пониже, подняла воротник тренча и уверенным шагом двинула к крылу Дэнон в поисках профессора Даниеля Ардити. Хотелось посмотреть на клиента в естественной среде его обитания.

У крыльца Школы Лувра в основном толпились студенты, пришедшие слушать лекции по истории искусства, археологии и музееведению. Их можно было отличить от туристов по каменным выражениям лиц, ушедших в себя зануд и зазнаек. На самом деле многим из них светила лишь одна должность – смотрителя музея, к которой они готовили свои физиономии уже сейчас.

Вера поднялась на крыльцо с гигантским порталом-аркой, обрамленным колоннами, и надписью над ним Porte Jaillard. По бокам высились две каменные, покрытые зеленой краской львицы (или это они со временем позеленели, Вера до сих пор так и не выяснила). Современные раздвижные двери в черных рамах нервно дергались у наличников – им мешали снующие туда-сюда люди.

Вера шагнула внутрь, когда перед ней в толпе промелькнул знакомый силуэт. Ей не дали остановиться, кто-то из студентов толкнул в спину и обругал, Вера почти влетела внутрь, увидев, как Зоя – сестра Эмиля – свернула за угол и стала подниматься по лестнице, расположенной слева от входа.

На ней по-прежнему было все черное: водолазка под глянцевым плащом, юбка в складку, едва прикрывающая ноги, чулки и огромные ботинки в цепях. Ее длинные угольно-черные волосы лежали распавшимися по плечам и спине, оттеняя синеватую бледность лица. Она одевалась в черное не потому, что строила из себя гота или подражала Уэнсдей. У Зои был секрет: она имела дурацкую потребность резать себя бритвой, на ней живого места не осталось, все тело покрыто шрамами, и всегда была пара-тройка кровоточащих ран. Об этом никто не знал, иначе бы ей не позволили ни вести экскурсии, ни преподавать в Школе Лувра.

Вера едва успела спрятаться за спины ставших в кружок студентов, чтобы Зоя ее не увидела. Вестибюль был отделан на современный лад: белые стены, прямоугольные мраморные скамьи, узкие деревянные перила лестниц, – но планировка оставалась прежней, точно в лабиринте Фавна из одноименного фильма Гильермо Дель Торо.

С Зоей пересекаться нельзя.

Если она встречалась со старшим сыном убитого миллиардера, то она могла, с одной стороны, рассказать о нем, поделиться психологическим профилем, но с другой – отказаться

⁴ Подробнее читайте об этом в романе Юлии Лист «Ты умрешь красивой».

помогать. Скорее всего, Эмиль уже поведал ей о выходке Даниеля в День дурака и о его просьбе присутствовать на аукционе в пасхальное воскресенье. Зоя будет отговаривать Веру участвовать в столь сомнительной операции, скажет, что от нее за километр несет «Десятью негритами»: собравшиеся в уединенном замке с десяток человек – история, которая всегда кончается плохо. Вера подавила желание поболтать с сестрой шефа, как с подружкой. К тому же вдруг у нее остались чувства к Даниелю? Тогда – пиши пропало, никакой помощи от Зои ждать не следует. Не хватало, чтобы они с Верой стали соперницами.

Обдумав это, Вера аккуратно пошла в сторону другой лестницы – их было несколько, расположенных напротив входа в ряд, – в надежде оторваться от сестры Эмиля, но, к своему немалому удивлению, столкнулась с ней лицом к лицу прямо на ступенях.

Зоя как ни в чем не бывало спускалась. Как она так быстро успела попасть на второй этаж? Видимо, увидела напарницу брата и поспешила ее перехватить, прежде чем та наделает глупостей. Никто не знает лабиринт Лувра лучше Зои. Она, наверное, не раз тайком ночевала в музее.

– Привет, Вера, не ожидала тебя здесь увидеть, – проронила она, по-кошачьи улыбаясь.

С тех пор как Вера стала изучать профайлинг, она видела проявления эмоций как что-то навязчивое, замечала их даже у животных. Например, рисунок рта у кошек создает впечатление, будто у них всегда чуть презрительное выражение мордочки. Улыбки брата и сестры похожи – оба улыбались по-кошачьи. Только глаза Зои были не зелеными, а черными, как два нефтяных озера. К тому же она красилась, точно египетская императрица или актриса бурлеск-шоу. На удивление ей это шло, не казалось вульгарным. Черные ресницы и брови она ловко сочетала с ярко-красной помадой и белой пудрой. Хотя кожа у нее от природы и так точно свинцовые белила. Наверное, такой мейкап мог подойти только обладательницам тонких, аристократических черт лица.

– Привет, Зоя. – Вера почувствовала себя вором, у которого полыхает шапка.

Та с улыбкой подхватила ее под локоть, и серебряная цепочка на черной маленькой сумочке «Карл Лагерфельд» тревожно звякнула.

– Идем выпьем кофе, у меня как раз кончились занятия, а экскурсия еще не скоро. Ты свободна?

Она приподняла бровь, посмотрев весьма многозначительно. Психолог в Вере констатировал: Зоя уже все узнала про Даниеля и имела решительное намерение отговорить напарницу брата участвовать в сделке, которую необычный клиент намеревался предложить их бюро. И Вера сникла, сняла кепку, повиновавшись сестре шефа.

Первое образование Зои было из области криминологии, она работала экспертом уголовного судопроизводства до того, как решила посвятить себя искусству. А потом неожиданно связала для себя эти области. Ее страстно привлекали маньяки, странные личности, убийцы, она изучала природу преступлений, ища в них что-то общее с творческими процессами, протекающими в головах художников. «Психология творчества. Убийство как перформанс», «Психоанализ в искусстве», «Фрейдизм и юнгианство как средства восприятия искусства», «Творчество – бессознательный процесс?» – и это далеко не весь список книг, которые она успела выпустить во французском издательстве, специализировавшемся на книгах об искусстве. А вишенка на торте – магистерский диплом Парижского института криминологии. Вместе с братом – бывшим криминальным аналитиком, она составляла психологические профили убийц, грабителей, насильников.

Но не только. Бюро брало на себя профилирование сотрудников фирм, школ, институтов.

У Эмиля была страсть к психологии лжи. Он хватался за любую возможность изучить проявления эмоций на человеческих лицах. Огромный стеллаж в его кабинете с папками включал распечатки разных искаженных гримасами лиц, напротив которых плясали каракули заметок Эмиля. Выглядело жутко, точно он какой-то сталкер. Но он был своего рода ученым в обла-

сти, которая не могла похвастаться обилием исследований. Он готовил большую монографию по психологии лжи, которая, по его словам, переплюнула бы Экмана, Шерера и даже Роберта Сапольски. И Зоя была для него неизменным помощником.

Иногда Вера спрашивала себя, зачем Эмиль пригласил ее, Веру, работать в своем бюро? Если им был нужен в штате психолог, они могли принять француза или французенку. Зачем звать психолога из России? Долгое время это оставалось загадкой. А потом она поняла. Брат и сестра Герши являлись потомками русских эмигрантов. Зоя публиковалась под русским псевдонимом, обожала Бехтерева и Лурию. Часто можно было слышать, как они оба ссылаются на труды российских и советских психологов, психиатров и физиологов. Они боготворили русскую науку. Даже Юнг с Фрейдом не были для Эмиля и Зои такими авторитетами, как Сеченов и Павлов.

Но их команде явно недоставало человека, если не здравомыслящего, то хотя бы не отягощенного фобиями, зависимостями и психозами. Вера была своеобразным Ватсоном для Шерлока Холмса в лице брата и сестры Герши, уравновешивая их дикую экспрессию выдержанностью уроженки Северной столицы России.

– Не будем обмениваться экивоками, – начала Зоя, когда они покинули шумный вестибюль Школы Лувра и шли мимо пирамиды. – Сразу перейдем к делу. Я уже говорила с Эмилем, хочу предупредить и тебя. Не стоит связываться с семейством Ардити. Это такое болото, которое не стоит того, чтобы в нем погибнуть.

Она рассказала, что состоит в дружеских отношениях с Сильвией Боннар, поведала о ее нелегком браке с Рене Ардити.

Девушки свернули с шумной Риволи на улицу Адмирала Колиньи и как раз проходили позади Лувра мимо церкви Сен-Жермен л'Оксеруа. Зоя указала жестом на пешеходный переход напротив церкви, они перешли улицу и нырнули в переулок, двинувшись вдоль стены бокового нефа старинной церкви. Справа стояли дома начала прошлого века, ничем особо не примечательные, кроме светлых стен и прямоугольных окошек с белыми жалюзи. На углу здание завершалось странной отделкой по цоколю из крашеного зеленого металла с коваными солнцами в кругах и двумя зеркалами, в одном из которых Вера увидела свое удивленное отражение. Впрочем, странной абстракции, обнимающей угол первого этажа, не мешал целый полк баков, исписанных граффити и до верха набитых мусором.

В этом был весь Париж! Справа – величественная готическая церковь двенадцатого века, слева – какая-то железная абстракция с зеркалами и мусорные баки, исписанные красками из баллончиков.

Они повернули на де л'Арбр-Сек, которая плавно перетекала в улицу, носящую название Школьная Площадь. Вера не смогла не глянуть за плечо – позади нее уходила вниз знаменитая улица Сухого Дерева (Арбр Сек), где располагалась гостиница «Путеводная звезда», в которой жили граф де Ла Моль и граф де Коконнас из романа Дюма «Королева Марго».

– Мне нравится это местечко. Здесь не бывает много народу. – Зоя указала на стулья в бежевую полоску, расставленные вокруг круглых столиков. Кафе под красной маркизой носило название «Кафе дю Пон-Нёф», посетителей почти не было, кроме того, набежали темные тучки и похолодало.

Вера села за столик, окинув взглядом набережную Лувра: где-то вдалеке торчал шпиль готической башни, яркими кляксами на полотне городского пейзажа были разбросаны шапки цветущих магнолий и темные чепцы крыш. А небо! Сегодня оно было просто потрясающим, облака то набегали, то открывали невиданную голубизну, которая бывает только в марте-апреле, чуть пахло дождем – возможно, в каком-то из округов и пробежал короткий проливной дождик.

Вера оторвала себя от созерцания – ну никак она не могла привыкнуть к тому, что живет едва ли не на полотнах Ренуара и Писсарро, – и повернулась к сидевшей напротив Зое.

– Я понимаю, что не все так просто с этой семьей, – мягко начала Вера. – Но ведь совершено убийство человека слишком известного, чтобы начальник уголовной полиции – ваш дядя – стал от него уклоняться.

– Поверь мне, стал бы. Когда дело касается семейных передраг – даже полиция не рискует вмешиваться. – Зоя улыбнулась одними губами и стала похожа на греческую Кору периода архаики – в Лувре было полно этих улыбающихся каменных богинь.

– Мне показалось, Эмиль заинтересован. Он уже дал новые указания судмедэкспертам проверить, не была ли та перестрелка постановочной.

Зоя ничуть не удивилась. То ли сама догадалась, что убийство четверых наркодилеров было лишь мизансценой, то ли Эмиль ей успел доложить. Она молчала, ожидая, когда Вера вывалит все доводы.

– Картина Бэнкси – хороший предлог, чтобы проникнуть в резиденцию Ардити и лучше узнать всех членов семьи, – продолжала настаивать Вера. – Я убеждена, что отец семейства был убит кем-то из них. Деньги, наследство – самый распространенный мотив после убийств на почве любви и из мести.

– Верно. Но только вот неспроста нас туда втягивают. Это похоже на ловушку.

– Но смысл? Ловушка для детективного бюро?

– Довольно хитрый способ подтасовать чью-то вину или невиновность на глазах у органов правосудия.

– И рискованный. Неужели Даниэль Ардити способен на это?

Зоя отвела глаза, но Вера успела заметить, как ее губы на долю секунды поджались, выражая презрение или жалость.

– Тем более я бы не стала связываться с Даниелем Ардити.

– Но почему?

– Потому что он... – Зоя на мгновение запнулась, чуть свела брови, как бывает, если требуется подавить непрошеные слезы. – Ты, несомненно, слышала про художника Сальвадора Дали?

Вера сначала захлопала глазами, но потом догадалась, что Зоя будет проводить параллели с миром искусства.

– Ну конечно! «Постоянство памяти», любовь к психоанализу Фрейда, знаменитые усы, через которые у него была связь с космосом, муравьед на поводке в качестве питомца, реклама шоколада...

– Самая емкая биография Дали из тех, что я слышала, – искренне улыбнулась Зоя; Вера даже покраснела от удовольствия – неужели в кои-то веки удалось растопить сердце этой Снежной королевы!

– Но при чем тут испанский художник?

– Они похожи. Даниэль и Дали. Даже в именах есть что-то общее... И это не просто так! Про Дали сестра художника говорила, что он носит маску. Но беда в том, что он забыл, где его маска, а где – истинное лицо. Это был человек-праздник, человек-феерия. Однажды он едва не задохнулся в акваланге, читая лекцию по искусству. Это поначалу приняли за перформанс, едва успели спасти. А в душе Дали был очень ранимым человеком, маленьким ребенком, который никак не может наладить контакт с миром и потому паясничает. – Зоя говорила, глядя в сторону.

Подошел официант, она заказала черный кофе для себя и большой капучино для Веры, зная, что русская девушка пьет кофе ведрами и с огромным количеством пены.

– Все еще не понимаю. – Вера улыбнулась официанту.

С поднятыми бровями тот записывал заказ – еще один из миллиона парижских официантов, который впервые слышал о двойном капучино. Во Франции пили кучу разных кофе: «кафе-дю-ле» – с молоком, «кафе крем» – со сливками, «нуазетт» – кофе с каплей молока в

чашке с наперсток, а также «кафе вьенуа», «кафе элен» и «кафе-дю-матан». Капучино, если и был в меню, то стоял в конце списка и считался чем-то туристическим, чужеродным. А «двойной капучино» – тут у официантов вообще возникал сбой в системе.

– Его мать – первая жена Рене Ардити, Идит, – художница. Вдова испанского скульптора... – продолжила Зоя. – После смерти любимого человека принялась за творчество сама. Почти как знаменитая любовь Родена⁵ – Камилла Клодель⁶. Идит была одержима своими картинами. У нее с первым мужем был ребенок, умерший в очень раннем возрасте по ее вине – недосмотрела, захлебнулся рвотой. Его звали Даниель.

Вера нахмурилась, начиная собирать в голове сложный пазл.

– И? – Она подалась вперед.

Зои чуть отклонилась на спинку стула.

– У Сальвадора Дали очень похожий жизненный старт. Его мать потеряла сына в младенчестве, которого звали Сальвадор. Когда родился второй младенец, его тоже назвали Сальвадором. И ему не уставали напоминать, что он второй, показывали фотокарточки первого, водили на могилу брата, повторяя и повторяя, что он – лишь призрак, тот, кто замещает на земле мертвого мальчика по имени Сальвадор.

– Господи, какой ужас! – воскликнула Вера. – Ребенок был вынужден постоянно посещать могилу с собственным именем? Это же почти как с Эмилем!

Вера вспомнила, что Эмиль, которого называли в честь деда, тоже часто посещал могилу предка на Пер-Лашез, завязывая в своей психике все более тугие узлы. В подростковом возрасте он даже выкинул фокус: разрыл могилу и лег в нее, предварительно пригласив газетчиков, чтобы те все запечатлели.

– Я не знала, что это такая распространенная здесь история, – проронила Вера.

– В Европе очень большое значение придают семейным корням. И, в принципе, нет ничего такого, если ребенка называют в честь умершего родственника. История действительно распространенная. Но иногда люди теряют по этой причине свою идентичность. Эмиля не просто называли в честь деда, ему внушили, что он инкарнация деда, как и мне пытались внушить, что я инкарнация бабушки. Нам дали их имена, говорили, что мы – это они. Но, слава богу, я не пошла по эзотерическим и теософским стопам своих родителей. У каждого свое средство борьбы с экзистенциальным кризисом.

– Поэтому часть биографии Даниеля тебе показалась близкой? – Бестактный вопрос вылетел сам собой. Вера на секунду почувствовала себя на сеансе с клиентом, но тут же осеклась. – Прости, я не должна была приписывать ваши с Эмилем проблемы новому делу.

– Нет, почему же. Ты правильно говоришь. – Зоя не обиделась. – Мы с Даниелем сошлись, потому что у нас была общая боль. Мы не имеем собственных душ. Нам внушили с детства, что мы – тела, своеобразные машины, которые носят чьи-то чужие души. Мать Даниеля назвала его в честь своего мертвого ребенка, сознательно желая повторить историю Сальвадора Дали. Она с самого начала задумала сделать из мальчика знаменитого художника. Была уверена, что творчество возможно только после тяжелых душевных переживаний, что лишь в муках рождаются подлинные шедевры. Она убедилась в этом, начав писать свои самые успешные работы, когда овдовела. И ее картины не просто хорошо продавались, она обрела большую славу, ее выставки проводились не только в Париже, но в центре мировой культуры послевоенного времени – Нью-Йорке. Она выставлялась в тех же галереях, что и Поллок⁷, Ротко⁸, Дали. В ее картинах слились сюрреализм Дали и динамический дриппинг⁹ Поллока.

⁵ Франсуа Огюст Рене Роден (1840–1917 гг.) – французский скульптор.

⁶ Камилла Клодель (1864–1943 гг.) – французский скульптор и художница, ученица Родена.

⁷ Пол Джексон Поллок (1912–1956 гг.) – американский художник, основоположник абстрактного экспрессионизма.

⁸ Марк Ротко (1903–1970 гг.) – американский художник латвийского происхождения, основоположник живописи цветного полотна.

Слушая Зою, Вера взяла смартфон и вбила в поисковик: «Идит Солер, картины». Тот час выскочила лента ярких полотен в стиле абстрактной, так Верой и не понятой, живописи, где пятна, изломанные сновидческие образы и брызги смешивались во что-то невообразимое. Зоя развернула экран к себе, открыв картину, в которой мелкое напыление красок как будто засасывало в воронку.

– На самом деле такую живопись надо смотреть вживую, – проговорила сестра Эмиля. – Она производит магическое воздействие, поверь! Взаимодействует с тобой. Эти работы не призваны быть красивыми, вызывать только эстетические чувства, они не должны нравиться. Они должны бросать нам интеллектуальный вызов, вытягивать из нас вопросы, заставляя думать о глубинах бессознательного.

– Охотно верю, – ответила Вера, не желая вступать в полемику. Она придерживалась мнения персонажа Омара Си из «1+1», который решил, что перед ним не полотно, а просто у художника пошла носом кровь.

Заметив на лице Веры скепсис, Зоя улыбнулась.

– Современное искусство возникло не просто так, на пустом месте, из желания художников выпендриться, его нельзя рассматривать в отрыве от времени и контекста. Такая живопись... это и переосмысление тяжелого опыта мировых войн, и... Искусство невозможно в мире, где был Освенцим! Это слова немецкого философа Теодора Адорно, представителя Франкфуртской критической школы. Искусство нельзя убить, его можно только деформировать.

Вера подняла на Зою заинтересованный взгляд. С такого угла она еще не подходила к этому вопросу...

– Рене Ардити познакомился с Идит Солер в музее современного искусства «МоМА» в Нью-Йорке, когда еще был просто коммерсантом, а точнее сказать – мафиози. И с ним произошло что-то такое... Все перевернулось в его мировоззрении. Он был потрясен ее работами, экспрессией, идеями! Идит заразила миллиардера любовью к произведениям искусства, стала инициатором покупки аукционного дома «Ле Бижу», говорят, приняла горячее участие в сделке. На тот момент она была одной из богатейших художниц мира. А потом у них родились дети... И Идит решила сделать из старшего гениального художника.

– Интересно, как Рене Ардити относился к этой... идее?

– Он был влюблен в сумасбродную художницу и доверял ее творческому чутью. Иногда в газеты просачивались сплетни об их ссорах, но в основном он не мешал ее намерениям водить ребенка на могилу своего первенца. Хотя я могу многого не знать.

– А второй ребенок, который умер в восьмилетнем возрасте? Его подвергли участи стать великим художником?

– Ко второму было совершенно иное отношение. Он имел счастье быть собой, ему прочили карьеру в сфере бизнеса. Рене называл его своим преемником едва ли не с пеленок. Они с Идит как бы поделили детей. Идит растила Даниеля, а Рене – маленького Шарля. И Даниель остро чувствовал зависть к маленькому брату, которому отец дарил больше любви и ласки.

– Господи, только не говори, что он его убил!

Зоя посмотрела на Веру долгим, печальным взглядом.

– Этого никто не знает, даже сам Даниель, – сказала она.

– Как это? – не поняла Вера.

Зоя вздохнула, прикусив нижнюю губу.

– Братик разбился на скалах. У самого Даниеля было алиби, он убежал из Шато де Пон Д'Азура на берег играть с ребятами, те худо-бедно подтвердили это. Подтвердил, что видел его с ребятами в день и час смерти Шарля и лодочник. Но Даниель упорно винит себя. Маленький

⁹ Форма абстрактной живописи, где краску разбрызгивают, разливают на полотно.

Шарль хотел пойти с ним к обрыву, с которого открывается потрясающий вид на Лазурный Берег, но Даниель его не взял. Ребенок, видимо, решил пойти сам.

– Черт, – вырвалось у Веры сочувственно. – Даниель уверен, что убил брата? Но как? Что он сделал?

Зоя прикрыла глаза, качая головой.

– В этом и загвоздка. По его детским воспоминаниям, сам момент он не помнит. Или, точнее, помнит сотни тысяч вариаций. По одной версии, он нашел его и попытался донести до замка, по другой, шел дождь, и Шарль поскользнулся. Дождь действительно шел в тот день, но вечером, а полиция приехала так поздно, что тело было покрыто землей, ссыпавшейся с обрыва. Его опрашивали психологи, сотрудники полиции, социальных служб, и он каждый раз рассказывал разные истории, причем так убедительно, что сам впадал в истерику, приходилось накачивать успокоительными. В конце концов службы, его родители и он сам застряли в порочном круге – уже невозможно было понять, где вымысел впечатлительного ребенка, а где влияние наркотических средств. Его оставили в покое, дело закрыли. Не прошло и года, Идит умерла от передозировки морфина, превысив свою привычную дозу четырехкратно.

Вера сидела молча, подперла ладонью подбородок, прикрыв пальцами рот.

– Вот история Даниеля Ардити, и, боюсь, это не конец, – заключила Зоя.

– Но что же ты? Ты что думаешь? И братика, и мать убил он?

– У меня нет ответа.

– Но ты же профайлер! Должна знать наверняка, – одна половина Веры действительно так считала, при этом сучила ножками и требовала немедленного объяснения, другая – разумная, дипломированная – пожалела об этих сорвавшихся сгоряча словах. У Зои до сих пор оставались чувства к этому парню, она не могла судить объективно. С полубессмысленной улыбкой она отмалчивалась, крутила в пальцах пустую из-под кофе чашку и смотрела на край стола.

– Извини, – прошептала Вера. – Я опять погорячилась. Но что, если Эмиль пожелает принять в этом участие?

– Мое дело – рассказать вам о том, куда вы собираетесь ступить. Ваше – идти или не идти.

Она посмотрела на наручные часы – стильные «Убло» с черепом, кажется, они назывались «Спирит оф Биг Бэнг», и, улыбнувшись, проронила:

– Через пятнадцать минут у меня экскурсия. Рада была повидаться.

Глава 3. Слепой гость

Вера добрела до бюро Герши на улице Л'Эшикье в шестом часу вечера. Солнце клонилось к закату, золотя стены зданий светлого камня, играя бликами на позолоте ограждений балкончиков и стеклах окон. В воздухе повис сладкий запах весеннего цветения. Вера завернула за угол и наткнулась на стоящего у подъездной двери элегантно одетого черноволосого с проседью мужчину за пятьдесят. На нем было черное прямое пальто, глаза скрывали строгие темные очки, в пальцах, затянутых перчатками, – трость. Он, видимо, был слепым – искал на ощупь кнопки домофона. Тут же пришла аналогия с фильмом «Запах женщины» и импозантным Аль Пачино.

– Добрый вечер! – сказала Вера.

Мужчина тотчас повернулся к ней и замер с воздетой к домофону рукой. Ноздри тонкого носа втягивались и раздувались, будто он хотел понять по запаху, кто перед ним. Голова дважды чуть склонилась сначала влево, потом вправо, как у пса, почуявшего добычу. Вере стало несколько не по себе.

– Мадемуазель Вера? Максимова Вера? – Он очень хорошо выговорил ее русское имя, которое французы коверкали, перемещая ударение на последние слоги. Для всех она была Верá. А этот произнес – Вéра.

– Да-а, – полувопросительно-полуиспуганно протянула она. Как он понял, кто перед ним, если слепой? По запаху? Или Вера обманулась, глядя на эти трость и очки? Дурацкий День дурака, который уже давно был позади, вынуждал ее за каждым углом ожидать розыгрыш.

– Меня зовут Филипп Ардити, я пришел просить о помощи. Ваше бюро занимается спасением наследников больших состояний от замысливших недоброе родственников? – спросил он с достоинством герцога, но в конце фразы слегка улыбнулся, дернув бровями, и стал еще больше похож на Аль Пачино.

Сердце Веры упало при упоминании имени Ардити, она едва сдержала тревожный вздох. Гость тотчас уловил в ее дыхании нотку беспокойства, поспешил добавить:

– Я не за себя, разумеется, буду просить. За племянника. Но прошу... не здесь.

Вера достала ключ.

– Я надеюсь, Эмиль Герши на месте, – сказала она, вставляя его в замочную скважину.

Слепой гость очень хорошо ориентировался в пространстве, едва касаясь тростью ступеней, перил, дверных проемов и стен. Если не наблюдать за его движениями пристально, как это делала Вера, поднимаясь позади него, то можно было и не заметить этих его постукиваний тростью, до того они были легки и незаметны, что выдавало в нем слепого с опытом.

Бюро Герши имело довольно странное устройство. Клиентов принимал дядя Эмиля Юбер в угловой квартире на втором этаже дома. Для этой цели был отведен просторный кабинет-эркер в три окна с балконом с кованым ограждением, дверь в который была распахнута – Юбер спешил проветрить помещение после того, как курил сигару. Она еще дымилась на большом резном антикварном столе времен «короля-солнце», заваленном бумагами. На столешнице соседство с пепельницей составляли бутылка красного вина и бокал. Бежевые обои и репродукции импрессионистов на стенах с молдингами золотил свет закатного солнца. У стола блестел хромированный торшер. Из окон виднелась убегающая на юг перспектива улицы Фобур-Пуассоньер.

Остальные комнаты занимал сам Юбер. Кабинет огибал коридор, в который выходило множество дверей, за них Вера никогда не ступала, но планировкой квартира полностью повторяла квартиру на четвертом, последнем этаже, где обитали Эмиль и Зоя. Вера же снимала скромную квартиру в две комнаты с икеевской мебелью, находящуюся над бюро Герши и под

квартирой Эмиля. При желании она могла заметить в окно балкон бюро, но видеть окна Эмиля мешали висевшие между третьим и четвертым этажом красные маркизы.

Филипп Ардити, ни на что не натыкаясь, легко преодолел узкий коридор, петлявший от роскошной входной двери из мореного дуба, следуя скорее за смесью сигарного дыма и дорогого парфюма, который источал Юбер Герши.

Тот встретил их гладко выбритый, приветливый и одетый, как всегда, с иголки, в сером, отливающим сталью костюме, с желтым шейным платком, затейливо повязанным под подбородком, и светлыми с проседью кудрями, уложенными воском. Его желтые ботинки гулко стучали каблучками о паркет во французскую елочку. Наверное, звук тоже помог гостю найти дорогу.

Войдя в кабинет, Юбер обернулся, жестом приглашая гостя сесть, но тотчас впал в замешательство, замерев с дурацкой улыбкой, не зная, стоит ли довести слепого до кресла и как вообще обходиться с посетителем, у которого такой природный изъян.

Но Филипп Ардити не нуждался ни в чьей помощи.

Он улыбнулся, совершив поклон в сторону Юбера, промахнувшись лишь градусов на двадцать.

– Я слепой с некоторым стажем. – Он сделал пару шагов в сторону окон, конец его трости зацепился за ножку кресла, исполненного в форме тюльпана и обитого светло-зеленым сукном. Филипп Ардити протянул руку, его пальцы, затянутые в перчатки, легко коснулись подлокотника. Он цепко ухватился за спинку, крутанулся и сел, закинув ногу на ногу и вздернув подбородок.

У Веры защемило сердце и от восхищения элегантностью, с которой он все это проделал, и от мысли, что человек так стойко сопротивляется своей ущербности и делает колоссальные усилия, чтобы не выглядеть калек в глазах других.

В эту же минуту хлопнула входная дверь, мягкой кошачьей походкой вошел Эмиль, бесшумно в своих кедах пересек кабинет и сел в другое кресло, составляющее пару тому, что занял гость.

– Добрый вечер, – проронил он, закинув лодыжку на колено и, слегка съехал вниз, развалившись в кресле. Он коротко представился, заявив, что готов слушать.

Эмиль выглядел очень странно для детектива в черной мятой толстовке с надписью Death Note, черными иглами крашенных волос и тоннелями в мочках ушей. Он скорее был похож на уличную шпану, анимешного персонажа или айтишника из «Хромых лошадей» – сериала про отдел британской разведки, куда собрали агентов-неудачников. Если бы клиент был зрячим, он, наверное, не стал бы иметь с ним дело. Хотя Вера ни разу не видела, чтобы кто-то вставал и уходил при появлении Эмиля. В основном к нему приходили по рекомендациям прошлых клиентов хорошо осведомленными, что человек с крашеными волосами и пирсингом не шпана, а бывший полицейский из BRI – бригады розыска и реагирования, которая занималась расследованием уголовных преступлений, убийств и похищений. Он имел офицерский чин и когда-то работал в отделе операционного управления материально-технического обеспечения префектуры полиции.

Страсть к психологии лжи привела Эмиля к тому, что он некоторое время был оператором полиграфа. Префектура хотела внедрить использование детектора лжи при допросах, но, увы, не вышло. Эмиль рискнул своим местом в BRI, занялся полиграфом, но быстро понял, что машина во многом проигрывает человеку с навыками профайлера. Возник конфликт с начальством. Сначала он яростно боролся, чтобы аппарат был внедрен в практику, а потом сам же заставил префектуру от него отказаться. И вылетел из полиции.

Так он начал собственную деятельность в качестве частного детектива.

– Меня зовут Филипп, я младший брат Рене Ардити и пришел, потому что наша семья заступила ту черту, за которой ее ждет гибель, – начал гость и замолчал. Его подбородок дрогнул, он стал снимать перчатки и уложил их сложенными вместе на колени.

Некоторое время висела тишина, слышно было лишь, как за окном то пронесется скутер, то проедет машина, из открытых кафетериев «Зацца» и «Ботеко», что располагались на первом этаже по обе стороны от угла здания, доносились голоса посетителей, отдыхающих за столиками.

Юбер поднялся.

– Быть может, вина?

Филипп Ардити, впав в прострацию, ответил не сразу. Секунд через пять он вздрогнул, вскинув руку.

– Нет, благодарю. Я пытаюсь собраться с мыслями и начать с того момента, который, как мне кажется, является началом наших злоключений, но боюсь, что бессилён найти корни зла. Потому я здесь. Если коротко обозначить задачу, – он выпрямился, положив трость поперек колена, – то на моего брата совершалось как минимум два покушения. Последнее, увы, удалось, он мертв. А на моего племянника, который по закону о наследовании во Франции стал пользовладельцем с правом распоряжения всем имуществом Ардити, совершается давление с целью засадить его в психушку.

Вера закусила губу, тотчас поняв, что речь идет о Даниеле с его непростым прошлым и травмированным детством. Видимо, ему досталось все от отца, но кто-то был не особенно этому рад. Вера не разбиралась во французском праве, поэтому подняла глаза на Юбера, имевшего за спиной тридцать лет адвокатской практики.

– Начало конца, – вновь заговорил Филипп, – наверное, было положено еще в далеком девяносто третьем, когда на скалах случайно разбился племянник Шарль. Даниеля измучили эти неугомонные полицейские, психологи из социальных служб... Я до сих пор задаюсь вопросом: правомочно ли было так терзать одиннадцатилетнего ребенка? Эти длящиеся по нескольку часов допросы наедине... Он был так измучен, что по ночам кричал и плакал. В тюрьмах, наверное, проявляют большее милосердие. Тем более имелась куча свидетелей, что он и Шарль в тот печальный миг находились на разных концах мыса дю Датье. А они все ходили и ходили, неделями, месяцами, почти все лето. И все это происходило в нашем доме на Лазурном Берегу, в Шато де Пон Д'Азуре, при живых отце и матери. Безутешные потерей сына, они не замечали, как мучают их дитя. Даниель очень талантлив, очень. С ранних лет занимался живописью и подавал такие надежды! Его называли современным Караваджо. Его работы потрясали академичностью и уникальностью. Но после того злосчастного случая, всех эти допросов он забросил занятия и впал в такую депрессию, что едва не умер. Несколько лет почти не учился в школе, менял санатории и врачей. К нему до сих пор не вернулось душевное здоровье. А мачеха пытается воспользоваться его несчастьем, особенно сейчас, когда он назначен узурфруктом.

Невольно Вера затаила дыхание, слушая Филиппа и проникаясь печальной историей его племянника. Он сидел прямой, как стрела, в этом своем черном пальто и с лицом, обращенным ни к кому, в пустоту. Странность придавали темные очки, делающие его похожим на пророка.

– Хм, а почему пользовладельцем назначен Даниель? – спросил наконец Юбер. Он слушал, скрестив руки на груди, опустив подбородок и приподняв брови, недоуменно покачивая головой. – Я правильно понял, вы говорите о старшем племяннике?

– Да, да, – всколыхнулся Филипп. – Я говорю о Даниеле – старшем сыне Рене, первенце. Он и его вторая супруга имели брачный контракт *régime de la séparation de biens*, то есть они все заранее поделили. По старому завещанию Даниель был назначен узурфруктом. Новое Рене оставил недоделанным, его застрелили раньше, чем он внес правки, какие собирался внести... на днях.

– Позвольте, я уточню. – Юбер отошел от стола и принялся медленно прохаживаться по ковру, массируя висок. – Так как во Франции с девятнадцатого года сего столетия наследование облагается весьма высоким налогом... Насколько я помню, если имущество составляет свыше двух миллионов евро, государство присваивает себе сорок пять процентов. Сумасшедший грабеж, я считаю. И Рене Ардити решил воспользоваться самым простым способом обойти этот налог – передать право пользования имуществом, включающее и извлечения доходов, узуфрукту. Обременять узуфрукта, который несет ответственность за сохранность имущества, существенными расходами в виде налогов неправомерно, поэтому он их не платит, кроме текущих, естественно. Но узуфрукт – не значит полноправное владение, это... как бы выразиться яснее... что-то вроде опекуна над имуществом с возможностью извлекать прибыль.

– И узуфруктом назначен Даниель Ардити? – перебил дядю Эмиль, подгоняя его. Сидя в кресле, он покачивал ступней, свисавшей с колена, как бы это делал кот хвостом.

– Даниель – старший сын от первого брака. – Филипп сделал скупое движение ладонью, приподняв ее над тростью на пару сантиметров. – Наверное, брат мог назначить супругу, но с Сильвией у него были свои договоренности, это темная сторона вопроса. Меня? Я слепой. У нас есть еще родственник в Лионе, девяностотрехлетний старик, ему самому требуется опекун. За ним ухаживает сиделка. Оставался только Даниель, но... Загвоздка в том, что... Прошу меня понять правильно – такое в жизни иногда случается: его не интересует ни бизнес, ни деньги. Даниель занят искусством. Только оно и способно врачевать его раны.

– А сын от второго брака? – спросил Эмиль. Он снял ногу с колена и, взявшись за подлокотники, приподнялся, подложив ступню под себя. Ножки кресла неприятно скрипнули о паркет.

– Ксавье в завещании указан как номинальный владелец. Он собственник имущества, обремененный узуфруктом.

– Интересно. – Эмиль достал из кармана шоколадный батончик и стал с шумом вскрывать этикетку. Вера строго на него глянула, но шеф демонстративно откусил, начал чавкать и продолжил, жуя:

– Получается, Ксавье не имеет ни права пользования недвижимостью, ни извлечения из нее доходов до смерти пользовладельца, то есть Даниеля. А Даниель, в свою очередь, не может передать наследство своим детям, если бы они у него были. Зачем же отец так жестоко поступил со своими сыновьями?

– Да, согласен, это завещание вышло неудачным. Все никак не могли собрать более-менее рабочую версию, чтобы обойти этот проклятый налог, введенный в две тысячи девятнадцатом году. Рене хотел все исправить другим завещанием, но не успел его дописать. Они с Сильвией так часто спорили по поводу раздела имущества! Она хотела видеть наследником Ксавье, а Рене мечтал, чтобы аукционным домом занялся именно Даниель. Рене был взбалмошным человеком, хоть и дисциплинированным.

– Очень противоречивые качества. – Эмиль вдруг смял недоеденный батончик и прицелился им в своего собеседника. Цветастый комок пролетел в сантиметре над головой Филиппа Ардити и исчез в распахнутых позади него балконных дверях.

Вера ахнула, Юбер крикнул. Но они не успели заметить реакции слепого, взгляды рефлекторно были прикованы к летящему объекту. Эмиль, видимо, проверял, действительно ли гость слеп.

Тем временем Филипп, почувствовав некое замешательство, обернулся на звуки, которые издали Вера с Юбером, на его лице отразилось легкое недоумение.

– Сейчас Ксавье взял на себя все дела Ардитис, – продолжил он. – Парень уже два года прекрасно справляется с должностью исполнительного директора. Да, он хороший маркетолог, организатор, и у него нюх на произведения искусства. Недавно продал три статуи Модильяни

раннего периода за сумасшедшие, на мой взгляд, деньги. Но... сделка пахнет чем-то нечистым. Покупатель – политик из Южной Америки и...

Филипп Ардити замолчал. Он не имел права раскрывать тонкости ведения дел исполнительного директора, даже если это его младший племянник.

– У Рене были другие планы на аукционный дом, – продолжил он с горечью. – Ардитис основала его первая жена. И только ее отпрыск может возглавить его. Рене очень чтит память первой супруги, которая многое для него сделала. Идит была человеком искусства, и Даниель полностью пронизан искусством. Он ее сын до кончиков ногтей. Ксавье лишь хороший делец и организатор, сын Рене – его отражение. Без Даниеля Ксавье погубит Ардитис... потому что он... не всегда честен. В нем есть страсть к дешевым авантюрам. Черт возьми, он погубит... погубит Ардитис. Вот чего я пытаюсь избежать!

Его речь стала резкой, в голосе зазвенели стальные нотки.

– Вначале вы упомянули о покушении на Рене Ардити, – напомнил Эмиль, не сводя глаз с гостя. – Вы считаете, его убили?

– Да. – Филипп повел подбородком. – Его собирались убить еще в пятнадцатом. Это было покушение на убийство, но Рене предпочел не поднимать шума. Я остался без зрения!

– Вы про тот эпизод, когда загорелся его Rolls Royce шестьдесят второго года? – Эмиль вскинул бровь и достал телефон. Вера думала, он сделает пометку, но Эмиль стал снимать Филиппа Ардити на камеру, делая это без зазрения совести.

– Да, его Silver Cloud II. Вы хорошо осведомлены. Он был за рулем, я – на пассажирском, – не меняя тона, ответил Филипп.

– Вы выпрыгнули из машины за полкилометра до того, как Рене Ардити остановился. – Эмиль откинулся локтем на подлокотник и продолжил съемку, подняв телефон выше. Вера нахмурилась. Это было бестактно, но он продолжал свои проверки клиента на вшивость.

– Машину заливало дымом! – Филипп принялся нервничать, это была скорее реакция на слова, а не на действия детектива. Гость схватил трость и сжал ее в пальцах, однако чувство собственного достоинства не позволило ему ничего добавить. Вера поспешила на помощь.

– Вы не расскажете, что тогда случилось? – попросила она, уловив холодный взгляд Эмиля.

У шефа были свои способы формулировать вопросы. Некоторые из них он называл проверочными и контрольными, некоторые проективными и жертвенно-проверочными, некоторые – нейтральными. Именно особая смесь правильно заданных вопросов помогала выявить ложь. Рецепт сей смеси, увы, Вера пока не разгадала. Она, конечно же, читала про верификацию лжи, но стиль Эмиля значительно отличался от методов других профайлеров. Например, он, нарочно вызывая ту или иную эмоцию в человеке, зорко следил за тем, на какую другую тот переключится самостоятельно. Способность переключать и смешивать эмоции тоже могла многое рассказать о человеке. Это важная составляющая эмоционального интеллекта.

– Что тогда случилось... Кто-то подрезал один из шлангов бензонасоса. – Филипп принял вид человека, который вспоминает детали. Телефон в руках Эмиля он как будто не замечал. – Рене все-таки успел покинуть автомобиль раньше, чем он запылал, как олимпийский факел. Пожарные прибыли быстро, но коллекционный образец оказался безнадежно испорчен. То, что от него осталось, выкупили представители британского телевизионного шоу «Махинаторы», но, насколько я знаю, ничего не смогли сделать с остовом по сей день. В газетах написали, что причиной возгорания стали неполадки с бензонасосом, и только. Рене пришлось заплатить газетчикам, чтобы те не ворошили это дело.

– Почему он так поступил? Почему не позволил полиции и прессе разоблачить негодяя? – изумилась Вера.

– Бензонасос подпортил кто-то из семьи.

– Вы в этом уверены? – выдохнула она.

– Рене был в этом полностью уверен, но со мной обсуждать сей печальный эпизод летописи нашего семейства отказывался. Хотя и остался калекой и имел право знать правду.

Эмиль собрал брови на переносице и задумался, выключил камеру на телефоне. Несколько секунд он скролил ленту, а потом принялся набивать сообщение.

– После этого случая были еще какие-нибудь покушения? – спросил он с видом доктора, который расспрашивает пациента. Его пальцы продолжали клацать по экрану. Он нарочно включил режим со звуком и выкрутил громкость на всю мощь. Как он набирал сообщение, было, наверное, слышно и в доме напротив.

– Насколько мне известно, нет. Но Рене мог просто умолчать. Поэтому я не ручаюсь. – Филипп беспокойно вытянул шею.

Если он и изображал слепого, то делал это мастерски. На новые звуки реагировал то поворотом головы, то принимался раздувать ноздри, то наклонял голову. Если Эмиль исполнял перед ним нечто беззвучное, вроде скрытой съемки, Филипп Ардити ни разу себе не изменил и не допустил ни единой утечки какой-либо реакции. Скорее всего, клиент был и вправду слепым. Вынеся для себя этот вердикт, Вера наконец успокоилась, более того, ей стало жаль Филиппа Ардити.

Тут Эмиль выкинул еще одну штуку.

– Вы подпортили шланг бензонасоса? – рубанул он, спрятав телефон в задний карман джинсов. – Признайтесь в этом, ну?

Вера скривилась, на несколько секунд зажмурившись от стыда. Эмиль утверждал, что легче всего определить, лжет ли человек, – вогнать его в условия стресса. А делая это, он ни в чем себе не отказывал, используя шизофреногенные паттерны – манипулятивные приемы, с помощью которых допрашиваемый становился совершенно беспомощным. Вера давно должна была привыкнуть к манерам своего шефа. Видит бог, она терпела многое, но все чаще его выходки настигали ее слишком неожиданно. Никогда не знаешь, в какой момент он поступит совершенно невообразимым образом, поставив своего клиента или допрашиваемого в неловкую ситуацию, а ее заставит краснеть.

– Так вы или нет? – повторил он вопрос, видя, что гость никак не решится ни на возмущение, ни на спокойный, уравновешенный ответ. Пальцы Филиппа постукивали по трости, челюсти поджалась, он дважды провел пальцем по носу. Но все это было лишь признаками стресса, а не лжи. Эмилю нужно было услышать его голос, чтобы понять, соответствует ли речь демонстрируемым жестам и эмоциям.

– Не знаю, как на это реагировать, – выдохнул наконец гость. – Вы проверяете меня? Я должен был к этому подготовиться... Наслышан, знаете ли, о вашей методике относиться к клиентам с издевкой. Но все, кто вас рекомендовал, говорили только одно: вы всегда доводите дело до победного конца. Это дорогого стоит.

Ты посмотри! Вера едва не захлопала в ладоши. Красиво выкрутился, аристократически. Браво, bravo!

– Итак? – не отставал от него Эмиль. Он вынул из-под себя ногу и опустил ее на пол. Локти легли на колени, кончики пальцев соединились в подобие домика. Вера уже успела выучить, что означает этот жест, – уверенность в себе. Значит, Эмилю удалось что-то понять о своем клиенте.

– Нет, я этого не делал, конечно же. – Филипп Ардити откинулся на спинку кресла и расправил плечи, тоже демонстрируя уверенность в себе открытой позой. Он чувствовал, что выиграл эту битву.

– Почему «конечно же»?

– Я не стал бы портить машину, в которую сел сам. Вы прекрасно знаете, что такой тип человека разумного, как я, выбрал бы другой способ. Яд, например. Тем более что сейчас их тьма-тьмушая, и таких, что не оставляют следов.

– Как женщина? – Чувство такта Эмилю было неведомо.

– Именно! – Филипп победоносно улыбнулся, сверкнув белозубой улыбкой и вновь напомнив Аль Пачино. – Я калека, мне простительно. Прошу прощения, мадемуазель Вера, к вам это несколько не относится. Но ваш шеф сам напросился.

В голосах оппонентов звучала сталь скрепленных шпаг. Гость чувствовал себя на коне, он сразу сбросил все козыри, признавшись, что способен на убийство. Но сделал это лишь с той целью, чтобы Эмиль подумал обратное.

– Хорошо. Перейдем ко второй части проблемы. – Эмиль быстро перевел разговор в другое русло: – Вы сказали, что Сильвия Боннар и ее сын совершают некое давление на Даниеля.

– Да, они поставили себе цель упечь моего племянника в лечебницу и, видимо, лишить его права узуфрукта.

– В чем это проявляется?

Филипп сделал глубокий вдох.

– Они сводят его с ума. Если не считать мелочей, то вот вам, к примеру... картина Бэнкси «Девочка с воздушным шариком». Даниель откуда-то взял, что полотно не было разрезано. И я почти уверен, что эту чушь ему внушил Ксавье. Я знаю, что Даниель пытался связаться с вашим бюро с просьбой помешать продаже картины на семейном аукционе, который должен состояться в пасхальное воскресенье. Даниель уже сейчас дошел до высшей степени нервозности, совершает направо и налево поступки, которые другие, несомненно, расценят как ненормальные. Можете себе представить, что будет во время аукциона? Сильвия намеренно собирает родственников, чтобы выставить Даниеля полным идиотом, а если ей повезет, еще и опасным для общества.

– То есть вы считаете, что картина не была разрезана?

Филипп опустил голову и немного помолчал.

– Самое печальное, что это совершенно не важно, – сказал он. – Это вам не полотно Рембрандта или Тициана, подлинность которого можно установить по анализу грунта, красок и ткани холста. Все материалы, которые использует Бэнкси, – современные, рисует он с помощью трафаретов и аэрозольных красок, продающихся в любом художественном магазине. Единственно, по чему мы можем судить, его работа или нет, – только по публикациям в соцсетях. А аукцион – тайный, семейный, ну, может, будет пара клиентов со стороны, я не знаю. Это событие не осветят в прессе. Сильвия продает арт-объект – все, что знают потенциальные покупатели, то есть мы. Только Даниель почему-то уверен, что его мачеха замыслила совершить акт вандализма и собирается предоставить миру доказательство, что никакого уничтожения картины Бэнкси не было, а величайший перформанс современности – фарс.

– Интересно, аукцион – семейный, будет проходить втайне. Как тогда Сильвия обнаруживает его?

– Ох, вы не знаете эту женщину! Она играет святошу и часто выставляет семейные хроники в Сеть, чтобы показать, какая она молодец, какая хорошая жена, какая хорошая мать, как любит пасынка.

– И готова ему такой подзатыльник дать? Мне трудно понять всю эту суету вокруг Бэнкси. Это действительно большая потеря для мира искусства, если его картина окажется целой? – Эмиль очень постарался, чтобы в его голосе не проскользнула насмешка.

– А вы сами как считаете? – Голос гостя сменил тональность, набрал пару октав. – Вся деятельность Бэнкси направлена на то, чтобы бороться с монетизацией искусства. Он против галерей, против музеев, даже холста... Его посыл – искусство должно говорить с нами, быть доступным, находиться прямо на улице, где позволено ходить всем, а не становиться средством наживы для таких, каким был мой брат. Я знаю, что вы скажете! Испокон веку так повелось, что художникам платят за их труд, они появились благодаря спросу на живопись, на скульптуру. Если смотреть с этой точки зрения на жизнь, всё в истории человечества появлялось исклю-

чительно из-за денег. Музыка – для богатых, картины – для знатных, книги – для знатных и богатых. Но если слегка сместить фокус мышления, то мы увидим, а точнее, вспомним, что музыку создавали бродячие менестрели, картины писались по велению сердца и из веры в бога, а книги рождались, потому что здесь, – Филипп припечатал палец ко лбу, – становилось тесно. И это будет хороший тест на определение вшивости для каждого! Если считаешь, что Микеланджело писал свои фрески в Сикстинской капелле по приказу папы римского, то ты – делец. А если уверен, что это – великое послание гения человечеству, тогда ты, возможно, небезнадежен. Мир будет спасен, если уцелеет хоть горстка чистых сердец, таких, как у Даниеля.

– Звучит, как нечто масонское. Вы состоите в ложе?

– Ответа на этот вопрос вы от меня не услышите, – парировал Ардити с достоинством. Но по усмешке на его губах Вера поняла, что этот человек не всегда говорит серьезно, но и не всегда шутит над серьезными вещами.

С каждым словом Филиппа Ардити Вера убеждалась в сложности его характера. Но и привлекательности. В нем чувствовались глубина, преданность истине, страсть к непостижимым смыслам, нечто присущее эпохе романтизма. Так мог говорить юнец, из уст мужчины в возрасте подобную экспрессию услышишь редко, она звучала как мудрость, пророчество. Вера могла поклясться, что в молодости Филипп Ардити не уставал «лазить в окна к любимым женщинам» и «с духом авантюризма» у него было все в порядке.

– Ваш племянник и вы, похоже, на одной волне, – сказал Эмиль с серьезным лицом, но в глубине души явно посмеиваясь над клиентом.

– Я вижу, что говорю с большим специалистом в чтении по душам. Слышал, вы учились у Даниэля Канемана¹⁰, – покрыл карту Эмиля Филипп Ардити, прекрасно чувствовавший насмешку в его тоне. И добавил риторически, без оттенка иронии, скорее с горечью: – Ныне искусство и деньги настолько стали эквивалентами друг друга, что еще чуть-чуть, и произойдет самая крупная инфляция в истории человечества.

– Бэнкси этому, кстати, способствует, – скривился Эмиль.

– А говорили, что ничего в этом не смыслите. Кажется, у вас тоже есть свое мнение по поводу теперешнего положения вещей.

Филипп посерьезнел, чуть подался вперед.

– Настанет день, когда через порог Лувра полетит Джоконда, как самый бесполезный на свете предмет, примелькавшийся и до оскомин надоевший образ. В мусорную корзину пойдут Тициан, Рафаэль, Босх...

– Никогда этого не произойдет, – не выдержал все это время молчавший Юбер. Тонкий ценитель искусства в нем вынул из ножен шпагу сантиметров на десять. – Искусство слишком сложно устроено, чтобы набить оскомину. Оно всегда будет недоступно массам.

Дядя Эмиля тоже был коллекционером, хоть и не крупным. Три картины – Малевич, Климт и полотно одного из прерафаэлитов, Вера не запомнила, которого из той знаменитой компании английских художников, – что он успел приобрести, висели сейчас в музее Орсе, он обожал Баха и не вылезал из музеев. Зою с искусством познакомил именно он.

– Когда чаша полна, содержимое переливается, – парировал Ардити. – Сколько вы получаете от музея Орсе за три ваших полотна?

– Но я отдал их музею не ради прибыли. Я вовсе не жадина и поддерживаю институцию музеев. Произведения искусства должны быть общедоступны.

– Общедоступность музеев – иллюзия, притом опасная. Я не стану спорить с вами. – Филипп сделал нетерпеливый жест, отрезая возможность дальнейшего обсуждения. – Вам совершенно ни к чему знать мое мнение. Я лишь хочу, чтобы вы помогли предотвратить скан-

¹⁰ Основоположник поведенческой экономики, лауреат Нобелевской премии, автор книги «Думай медленно... решай быстро».

дал в семье Ардити. Сильвия Боннар и ее сын Ксавье пытаются воспользоваться горячностью моего племянника, чтобы вывести его на неадекватное поведение.

– Но вы сами в нем этот огонь и поддерживаете. – Уязвленный Юбер не смог промолчать.

– Я с вами честен. Увы, мы не в состоянии за пару дней изменить свое мнение по вопросам, над которым лучшие умы человечества спорят не одно столетие. И Даниель не сможет бездействовать, когда за его спиной готовится такой удар современной культуре.

– Был ли разрезан холст? – спросил Эмиль.

– Повторяю, это не важно. Если не был, его можно разрезать. А если был, то подсунуть другое полотно. Бэнкси – уличный художник. Ценность его работ – в мысли, которую он в них вкладывает. У «Девочки с воздушным шариком» было и другое название: «Любовь в мусорной корзине». Есть над чем поразмыслить.

Филипп Ардити поднялся.

– Прошу вас, Вера, вызвать мне такси и проводить к машине. Я вынужден был добираться сюда на перекладных, чтобы сохранить в тайне от семьи свой визит к вам.

– Да, разумеется. – Вера порывисто подхватила его под локоть. Она только и ждала, когда можно будет закончить эту опасную полемику, видя, что Филипп сражался из последних сил.

На лестнице он чуть пришел в себя и, выразив благодарность Вере, попросил отпустить локоть, в который та вцепилась так, словно желала этим своим невольным порывом вымолить прощение за все неудобства, проверки и издевки, которыми обстрелял его Эмиль.

Филипп, пытаясь вернуть самообладание, долго надевал перчатки, шумно дышал и тронулся только после того, как его дыхание немного выровнялось. Вера завязала пояс плаща, вынула из кармана берет, надела, заломив его на затылок, и последовала за ним.

Почему-то именно сейчас, когда она видела, каким взволнованным был на лестничной площадке покинувший поле сражения Филипп, как смешно стучался коленями о перила на поворотах лестницы, растеряв все свое величие и превратившись в беспомощного старичка, водящего по полу тросточкой, она окончательно уверилась в его искренности.

По стенам и брусчатке ползли густые оранжевые тени, солнце садилось, было около восьми, небо, расчерченное стальными нитями облаков, пылало заревом. Люди повыползали на вечерний променад, столики перед кафе были заполнены, у входа в «Заззу» образовалась небольшая очередь. Даже такой тихий район, как окрестности улицы Л'Эшикье, к вечеру был полон народа – начиная с туристов, поток которых не иссякал, заканчивая студентами и старожилками.

Они дошли до знака с изображением такси, и Вера быстро вызвала машину по приложению.

– Улица Карм, двенадцать, – назвал адрес Филипп Ардити. Его пальцы, облаченные в черную кожу перчаток, сжимались и разжимались на белом набалдашнике трости. Он выглядел сейчас таким жалким и напуганным, оказавшись в незнакомой части города, слывшего одним из самых криминальных в мире. Его брата убили в шаге от музея Орсе! Наверное, он чувствовал себя очень неудобно, слыша городской шум, но не имея возможности видеть, откуда может нагрянуть опасность.

– Улица Карм? – удивилась Вера. – Разве вы живете не на бульваре Османа? В том красивом старинном особняке, который раньше принадлежал герцогу де...

– Да, я живу там, но мне нужно... сейчас мне нужно в книжный магазин. Улица Карм, двенадцать – это книжный магазин. – Филипп Ардити занервничал еще больше, будто испугался, что Вера откажется ему помочь.

– Позвольте, я вас провожу? – поспешила она успокоить его и тронула за рукав. – Уже скоро совсем стемнеет. А после довезу до барона Османа.

– До барона Османа? – устало хмыкнув, повторил Ардити. – До чего нелепа ситуация, в которую я угодил по вине моего непослушного племянника. Чувствую себя героем фильмов Луиса Бунюэля. И, наверное, так же выгляжу.

Вера хотела спросить, не «Скромное обаяние буржуазии» ли он имеет в виду, но решила, что это прозвучит как очень плохая шутка. Подъехал черный «Мерседес» с шашечкой на крыше – в Париже такси были только иномарками, которые выделялись зеленым или красным огоньком сверху.

И Ардити позволил ей усадить себя на заднее сиденье.

Глава 4. Книжный на улице Карм

Они переехали на левый берег, где Вера бывала довольно редко, и выбрались недалеко от современной постройки здания Музея полиции. В перспективе по-средневековому узкой улочки были видны барабан и римский купол Пантеона. По правую и левую сторону возвышались светлокаменные дома с высокими цоколями и ажурными балкончиками, уставленными горшками с цветами. Улица была очень живописной, яркой и нарядной – точно с открытки. Парижской! В ряд шли красные, синие и зеленые фасады лавок, почти у каждого кафе и лавки стояли живые цветы в кадках. Книжных здесь было больше, чем где бы то ни было. И почему Вера так редко заезжает в Латинский квартал? Вот Центр русской культуры под нежно-голубым фасадом. У нее давно все привезенные с собой книги перечитаны по два раза, пугало, что русский стал забываться. Она даже думала теперь на французском... Нехорошо, завтра надо сделать большую закупку!

Вера помогла Филиппу Ардити выбраться из машины – тот попросил остановиться на углу, у кафе «Ла Петит Перигордин». За такси Вере пришлось расплачиваться самой – почтенный богач забыл, что его везут «на перекладных». Дважды он назвал водителя Оскаром – видимо, так зовут его шофера. Как-то очень быстро галантный месье превратился в забывчивого старичка, и Веру охватило неприятное чувство разочарования.

Однако Ардити довольно ловко соскочил на тротуар, отстукивая тростью, добрался до светофора, очевидно, ориентируясь на его пищание звуки, ударил тростью о ножку столика и, чуть склонившись к сидящим за ним людям, осведомился:

– Не подскажете, любезные, это ли «Перигордин»?

– Да, – тотчас отозвалась дама в красной широкополой шляпе, сидящая напротив мужчины, который не успел среагировать первым.

И Филипп Ардити в своем черном весеннем пальто, в перчатках и с тростью смело зашагал по тротуару куда-то в сторону Пантеона походкой аристократа времен Пруста. Вера последовала за ним, чувствуя себя собачкой-поводырем. Они миновали деревянные арочные двери квартирного дома, синий гладкий фасад книжного «Либрари Пьер Бруне», затем черный фасад помещения, которое сдавалось в аренду, ювелирную лавку, отделанную серым камнем, маленькую бордовую дверцу, окаймленную двумя очаровательными окошками, за которыми будто пряталась Мальвина, потом увешанный флагами детский театр – окна были густо обклеены плакатами и афишами.

Филипп шел уверенно, периодически отстукивая тростью по тротуарным ограждениям, выполненным в виде коротких столбиков, – в Париже они были всюду, особенно в центре.

Книжный, который он искал, находился сразу за маленькой церквушкой, спрятанной между двумя зданиями за решетчатыми воротцами. Он понял, где находится, именно по стуку его трости по этим воротам, а также по отсутствию столбиков напротив въезда.

Перед ними возник книжный будто из фильма с Мэг Райан: фасад глубокого зеленого цвета с чистой витриной, густо заставленной книгами. Дверь была распахнута, потому что в нее беспрестанно кто-то входил и выходил. Люди, которые покидали магазин, держали в руках большие пакеты с красивой эмблемой в виде ветвистого дерева. Вера подняла голову, чтобы прочесть название на вывеске. Солнце било в глаза, бликуя на стекле витрины и на золотых буквах: «Arbre à livres».

– Нам сюда, сударыня. – Филипп Ардити просунул в дверной проем свою трость, прежде чем дверь успела захлопнуться. Звякнул колокольчик, на Веру пахнуло запахом бумаги, пыли, типографской краски и многовековой истории.

Чувствовалось, что магазин очень старый, лет под двести. Довольно просторное помещение прямоугольной формы отделано темными деревянными панелями, все стены доверху

заставлены книгами, с потолка свисала чугунная люстра, на которой еще сохранился свечной нагар – ее переделали под электричество, вставив лампочки, по форме напоминающие свечи, а вдалеке виднелась витая лестница тонкой ковки.

Магазин оказался не просто книжным, а букинистическим. На полках теснилось больше старых изданий, чем новых. Пестрели корешки с оформлением, присущим прошлым векам, с причудливыми буквами и узорами, выбитыми на настоящей коже и позолоченными. Во Франции букинистические – не то что в России, где полки валяются от старых книг, изданных в советскую эпоху, когда мастерами пера считались писатели, воспевающие какой-нибудь завод или стройку. Букинистические у Веры на родине не имели ничего такого, чего бы не было в библиотеке питерской квартиры ее бабушки, которая умудрялась доставать все подписные издания, что выпускали советские издательства. Но здесь, в Европе, где Революция не уничтожила библиотеки дворян, можно было запросто купить первое издание «Джейн Эйр» или что-нибудь из Дюма, здесь продавались газеты и журналы столетней давности, где печатались Понсон дю Террайль, Мопассан, Эмиль Золя.

Взгляд Веры скользнул по полкам, по лакированным деревянным стремянкам и выхватил из толпы покупателей щемяще знакомое мужское лицо.

Он снял какую-то книгу с полки, чуть отодвинул стремянку, поправил сползшие на нос очки и направился к кассе, но не как покупатель. Он обошел старинный прилавок, какие бывают в старых аптеках, с инкрустацией и толстым слоем лака, и принялся пробивать чек на кассовом аппарате, жарко что-то объясняя старушке в вязаном бирюзовом берете, которая выжидающе смотрела на книгу в его руке. Это было большое издание кулинарной книги Пеллегрино Артузи.

– Он будет сердиться на меня, – произнес Филипп Ардити. – Я привел вас сюда, а он до сих пор в смятении, что решился просить вас о помощи. И не знает до конца, как правильно поступить. Не браните его слишком, мадемуазель Вера. Он еще дитя, таким и останется, увы. Это был Даниель!

Вера стояла, едва не раскрыв рот.

Одетый в простые джинсы и клетчатую рубашку поверх футболки с изображением трона, утыканного ножами, из «Игры престолов», с очками на носу, он казался совершенно другим человеком. Вера видела его вживую лишь раз, но впечатление он произвел на нее тогда совершенно противоположное. Там, во внутреннем дворике особняка Шенизо, она видела отчаянного разбойника, Робин Гуда, а здесь – интроверта в рубашке с протертыми локтями и среди книг.

Он долго не замечал стоявших у двери дяди и Веры, удивленно на него пялящейся, продолжая что-то увлеченно рассказывать старушке в бирюзовом берете. Наконец он отдал ей пакет с книгой и переключился на парня, для которого очень быстро нашел стопку каких-то старых комиксов. Потом к нему подошла девушка, он вскинул палец в уже знакомом Вере академическом жесте, проронив, что точно помнит, как «Элегантность ежика» была доставлена в магазин с партией новых книг совсем недавно.

– Вы еще не читали? Завидую... – Он запнулся, увидев сначала Веру, а потом переведя взгляд на дядю.

Первая мысль, которая пришла Вере, все ли в порядке с ее тренчем и стоило ли его надевать с кроссовками и широкими потертыми джинсами. Она быстрым движением поправила волосы под беретом. Ей стало смешно от этих мыслей, и она улыбнулась. Но Даниель расценил это, видимо, как насмешку над собой и тотчас вспыхнул ярко-алым румянцем. Кто бы знал, что сыновья миллиардеров умеют так очаровательно краснеть?

Овладев собой, он подошел к полке, расположенной рядом с Верой, быстро нашел книгу Мюриэль Барбери, развернулся, как автомат, и споткнулся, огибая прилавок. А потом, наверное, минут пять сражался с кассовым аппаратом, который, позвякивая, то открывался, то

закрывался, но все не вовремя и шлепая ему по пальцам. Вера видела, как его челка взмокла. Он нервно провел по лбу рукой и порвал пакет, вкладывая в него книгу. Потом Даниэль объявил всем, что магазин закрывается. Но люди все продолжали заходить и выходить, о чем-то его спрашивать, а он – носиться от полки к полке и обслуживать покупателей еще с четверть часа.

Вера и его дядя терпеливо ждали.

– Он нас заметил, да? – тихо спросил Филипп Ардити.

– Да. А как вы поняли?

– Он обычно мило болтает со всеми, а сейчас я не слышу его голоса.

– Верно, он что-то сам не свой. Стыдится того, что здесь работает?

– Это его магазин.

– Понятно.

– Этот странный человек попросил у отца только одну вещь за всю свою жизнь: купить ему книжный магазин. От узурфруктства он собирается отказаться, уже подал прошение в суд в обход меня. Совершеннейший безумец!

– Я где-то уже слышала про сына миллиардера, который попросил отца купить ему книжный, – призадумалась Вера, а потом ее накрыло волной радости от пришедшего на ум воспоминания. – А, точно! Недавно видела фильм, свежий, с Джулианной Мур... «Аферисты»!

– Потрясающе, – сник Филипп Ардити.

– Что не так?

– Бенджамин Карон – друг семьи Ардити. Он подкинул идею сценаристу Алексу Танака про сына миллиардера, который работает в книжном и преподает в школе искусство. Танака – мастер детектива. Не понимаю, почему ему пришло в голову снять фильм с этой невинной идеей про аферистов. Вот уж неисповедимы мозги писак!

– Какая масштабная оговорка по Фрейду.

– На что вы намекаете, сударыня?

– На то, что вы с племянником похожи на аферистов. – Она произнесла это с милой улыбкой, которую дядя Филипп, может, и не видел, но хорошо прочувствовал насмешливость ее тона.

– Ну знаете ли! – совершенно по-детски обиделся Филипп, смешно поджав губы. Его, казалось, лишь позабавило Верино сравнение.

– Один прижал меня к стене старинного особняка, требуя вернуть ему картину Бэнкси, другой...

– Интересно, что вы скажете про меня! Я весь в ожидании.

Но Вера ничего не придумала.

Тем временем толпа все же рассеялась. Публика в книжных всегда тонко чувствующая, многие успели заметить, что хозяин магазина нервничает, а двое подозрительных лиц: блондинка в тренче и черной беретке и пожилой мужчина в темных очках и черном пальто, выглядящие как два персонажа из мультфильма про шпионов, – кидают на прилавок многозначительные взгляды.

Наконец последний посетитель вышел. В пустом магазине колокольчик звякнул громче прежнего. Даниэль поспешил спустить жалюзи и запереть дверь. Вечернее солнце косыми лучами врвалось в помещение и, пока жалюзи не были опущены, обливало полки с книгами розовым светом заката. До сих пор Вера не замечала, что чугунная люстра с лампочками, имитирующими свечи, оказывается, была зажжена.

– Дядя, что это значит? – тотчас спросил Даниэль, резко развернувшись к ним. Дрожащие руки он спрятал за спину. В пальцах подрагивали ключи.

– Ты не хочешь поздороваться с дамой, племянник? Это невежливо, ведь вы знакомы, а ты не соизволил ни подойти, ни сказать короткого приветствия, ни даже махнуть рукой. Что мадемуазель Вера подумает о твоём воспитании?

Даниель опять вспыхнул, сжав сильнее связку с ключами.

– Здравствуйте, Вера, – едва не сквозь зубы процедил он. Какой послушный мальчик!

– Здравствуйте, Бэнкси, – не удержалась от шпильки Вера, улыгнувшись. Даниель покраснел еще сильнее.

Он бросил взгляд на ее кроссовки и тут же отвернулся. Это был взгляд человека, который одевался только от-кутюр, в лучших домах Луи Виттона, Кристиана Диора и прочих звезд моды. Вера почувствовала, как одним движением зрачков он заткнул ее за пояс. Черт! Нужно было надевать лодочки и черное платье! Но кто знал... А лодочки так натирают.

– Дядя, я хочу знать, почему ты явился сюда один?

– Я не один. Меня вызвала сопровождать Вера, она очень любезна.

– Я имею в виду, почему ты без Оскара.

– Давно ли ты интересуешься моими передвижениями? – Филипп повернулся к Вере и, как обычно, промахнувшись градусом на десять-пятнадцать, обратился к ней: – Даниель оставил дом и уже две недели живет здесь, в магазине.

Вера приподняла брови. Ей вспомнилось, что Эмиль говорил про квартиру, которую снимал сын миллиардера.

– Я не могу там находиться, ты же знаешь. – Ключи в кулаке Даниеля опять жалобно тренькнули.

– Если ты не вернешься, они решат, что ты проиграл.

– Господи! Ну и пусть. – Младший Ардити развернулся и, шагнув к прилавку, швырнул на него ключи.

– Нет, не пусть, ты не должен опускать руки.

– Я хочу жить свою жизнь. Ту, которую выбрал. Расплатиться с отцом за магазин и забыть, что был членом этой семьи.

– При всем желании ты уже не сможешь с ним расплатиться. Он мертв! Что ты несешь, Даниель? Хочешь отдать все этому ублюдку Ксавье, который на прошлой неделе сбавил венесуэльскому мафиози фальшивых Модильяни, в ус не дую? Его не заботит репутация Ардити, он сделал это нарочно, прекрасно зная, что за все отвечаешь ты.

– Я подал прошение в суд. Я больше не узурфрукт.

– Ты отзовешь его! – Филипп не на шутку разозлился, стукнув тростью по старинному паркету.

Вера старалась не смотреть на них, но вздрогнула при этом звуке. Она делала вид, что разглядывала магазин, отойдя на шаг-два в сторону. При свете электрического света резьба на деревянных панелях стала видна четче, и лепнина на потолке, и витая металлическая лестница в дальнем углу. Но ею, видимо, не пользовались, ступени были завалены книгами. Она как раз пыталась разглядеть, куда они ведут, когда эта парочка вдруг начала неприлично громко скандалить.

Даниель фырчал и пыжился, он вырвал из заднего кармана джинсов телефон – древний айфон с разбитым экраном, – принялся ходить из угла в угол и звонить кому-то, а Филипп замахивался на него тростью. Даниель вызвал Оскара, и Филипп, продолжая размахивать тростью, отправился куда-то за прилавок. Даниель кинулся за ним, Вера поспешила следом.

В деревянных панелях пряталась прекрасно сработанная потайная дверь, которая открывалась при нажатии на изящный крючок для шляп. Филипп ощупью его нашел, дернул, и Вера увидела небольшую комнату, отделанную такими же панелями, но без полок. На паркетном полу лежал надувной матрас с брошенными на него подушками и одеялом. Кругом высились башни книг, в углу стоял стол с портативным инструментом для резки бумаги, нитки, клей,

не то плоскогубцы, не то щипцы. Здесь Даниель спал и чинил старые книги... Сердце Веры сжалось.

Они продолжали ругаться. Вера топталась рядом, с трудом понимая их, – ей не были знакомы те люди, о которых они спорили, и те места, которые они упоминали. Пару раз был назван замок на Лазурном Берегу – злополучный Пон Д'Азур. Неожиданно Филипп в порыве ударил по матрасу тростью, и тот, шипя и свистя, начал сдвигаться.

Несколько долгих минут Вера и Даниель смотрели, как надувная кровать медленно превращается в плоский блинчик из серой резины. Подушки и одеяло грустно осели на пол. Филипп замер, прислушиваясь.

– Посмотри, что ты натворил! – вскричал Даниель с едва не навернувшимися на глаза слезами.

– Я ведь слепой, болван!

– Ты проткнул мою кровать. Где мне теперь спать?

– Возвращайся домой и наведи там порядок. – Филипп развернулся и, громко стуча по деревянным панелям тростью, направился к выходу. У прилавка он остановился, пытаясь нащупать брошенные ключи. Даниель успел подхватить их первым.

– Ни за что! Мыждемся Оскара, ты сядешь в машину и поедешь домой.

– И ты тоже.

– Нет!

– Но у тебя теперь нет кровати.

– Я буду спать на полу.

– Ты простудишься!

Вера ушам своим не верила: брат миллиардера, сын миллиардера и – «я буду спать на полу», «ты простудишься»... Европа, до чего же ты странная, но в то же время такая своя, родная! Почему-то вспомнился Ипполит из «Иронии судьбы» со своей фразочкой: «Тепленькая пошла». Где бы ты ни был, всюду найдется пара-тройка романтиков, способных на что угодно.

Через полчаса Филипп уехал.

Вера стояла возле магазина на тротуаре и смотрела вслед черному «Роллс-Ройсу», удаляющемуся в сторону повисшего в вечернем небе купола Пантеона. Даниель оперся локтем о дверной косяк, закрыв ладонью лицо, в другой руке он держал снятые очки. Так он простоял довольно долго, потом убрал руку от лица и посмотрел на Веру, не знавшую, как поступить, уйти или остаться. В его взгляде мука смешалась со стыдом и едва сдерживаемым гневом.

– Прошу простить нас, – вздохнул он. – Вы не должны были стать свидетелем этой сцены.

– Нет, нет, ничего, – пробормотала Вера.

– Я хотел извиниться и... за то, что позавчера повел себя как какой-то грабитель... Это было безумным наваждением... Не знаю, что на меня нашло. Я не подумал, как это, должно быть, глупо выглядит. Похоже, я и вправду схожу с ума.

Вере стало его жалко, захотелось подойти и обнять, но воспитание благородной барышни из Санкт-Петербурга – города северного и холодного, не позволило ей и пошевелиться. Как психолог, она осознавала, что это было вовсе не воспитание, а ступор.

– Почему бы вам не вернуться домой? – наконец решила она. – Ваш дядя прав. В магазине нет отопления. Как вы спите там?

– Я не до такой степени идиот. У меня имеется маленький обогреватель! – воскликнул он, но, видимо, понял, что его слова звучат по-детски наивно, и, вздохнув, добавил:

– Мой дядя не всегда такой. Он очень хороший человек. Аукцион – его идея. Мать собиралась продать картину чужим, но он настоял, что родственники тоже имеют право ее купить. Угрожал скандалом. Он собирается ее выкупить... Но боюсь, ему не хватит средств. Все, чем он владеет, – небольшой процент акций от Mousse Marine, наследство деда.

Он на мгновение опять закрыл лицо ладонью, точно жалея, что стал рассказывать о своей семье. Потом надел очки и посмотрел на Веру серьезно.

– Могу я проводить вас? Улица Л’Эшикье, верно? Не хотите пройтись?

– Да, с радостью!

– Позвольте только пальто накинуть.

Как он изъясняется! На литературном французском, без всех этих жаргонных словечек, которыми пестрела речь Эмиля.

Даниель исчез за дверью на пару минут, потом вернулся в сером широком пальто, опустил жалюзи, которые пришлось поднимать, когда он выпроваживал дядю, щелкнул по очереди всеми замками и, встав перед Верой, вдруг склонился в галантном поклоне, заложив одну руку за спину, а другой сделав приглашающий жест.

Вера удивленно на него глянула, но не растерялась – подхватила кончиками пальцев полы тренча и присела в книксене. В конце концов, она из Питера и не собирается позорить Пушкина и Достоевского плохими манерами перед лицом этого французского зазнайки! Хотя, двинувшись в сторону Пантеона по ярко освещенной – только что зажгли фонари – и людной улице, она уже не считала Даниеля зазнайкой. Перед ней был очень несчастный человек, который безуспешно пытался сбежать из реальности в другой мир.

Глава 5. Прогулка по ночному Парижу

Вера задержала взгляд на перспективе улицы Карм – на них словно надвигалось полотно с написанным на нем Пантеоном. Фонари горели, а небо еще не потемнело окончательно, не померкли красные всполохи заката, на фоне которых массивные колонны и голубовато-серый купол смотрелись, точно вырезанные из картона.

Они шли молча. Минут пять Даниель Ардити усердно протирал очки краем клетчатой рубашки, выглядывавшей из-под полы серого бомжеватого вида пальто. Оправа – простые «Рей Бен». Кроссовки – «Найк», и пальто не «Луи Виттон», а из какого-нибудь «Н&М», и прилично заношенное. Зря она про него подумала, что он осудил ее за внешний вид. В своем песочном тренче, черной беретке и белых кроссах она смотрелась очень даже по-парижски. Светлые волосы чуть растрепал ветер, она беспрестанно закладывала непослушные прядки за уши и то натягивала берет на лоб, то убирала его на затылок, облизывая губы без помады, думая, почему не накрасилась и с чего бы начать разговор.

– Не знала, что вы носите очки, – проронила Вера, которой затянувшаяся пауза стала резать горло. – На всех фото из Интернета вы без них.

– Диссертация была очень утомительная.

– На какую тему вы ее писали?

– «Современное искусство от Эдуарда Мане до Бэнкси». Вы видели фильм с его участием «Выход через сувенирную лавку»?

– О да! – воскликнула она, обрадованная, что наконец повернули к теме кинематографа. – Поэтому я так быстро сообразила, какого художника вы изображаете.

Вера пересмотрела, наверное, все кино на свете, даже документалки. Но добавить к сказанному ничего не смогла, и молчание продолжилось. Не нужно было, наверное, вспоминать, как Даниель пытался притвориться Бэнкси. Он поморщился, сунул руки в карманы пальто и опустил голову. Все же, наверное, ужасно небезопасно, когда наследник миллиардного состояния ходит по ночному городу один, без охраны. Потом пришло на ум то, как странно был убит его отец, и она невольно покосилась по сторонам. Они как раз вышли на площадь, окружавшую Пантеон.

– Не хотите пройти через Люксембургский сад? – сказал вдруг Даниель. – Там дивно пахнут каштаны. В этом году они зацвели раньше... Жаль, что еще не время для глициний и сакуры. Но яблони и груши тоже очень милое зрелище. Правда, смотреть на такое лучше днем.

– Днем очень много людей с фотоаппаратами, – отозвалась Вера.

– Много людей, – эхом повторил Даниель. Сколько сожаления было в его голосе! Настоящий интроверт. Угораздило же его родиться в семье, которая неизбежно толкала его к публичности.

И опять они шли молча. Вере стало немного не по себе. На довольно просторной улице Суфло было светло от ярко пылающих фонарей, подсветок зданий и магазинных вывесок, проезжали машины, стреляя фарами, стояли припаркованными туристические автобусы, привезшие гостей столицы после экскурсий на ужин, по тротуарам мелькала пестрая публика. Только-только начавшие опускаться кроны деревьев в свете фонарей выглядели как большие современные светильники. А вот Люксембургский сад издалика представлял собой мрачную картину. Стоило ли идти туда так поздно?

– Я совсем в современном искусстве ничего не понимаю. Знаю только Сальвадора Дали, – вдруг выпалила Вера, но тут же пожалела, потому что упоминание и об этом художнике, наверное, на Даниеля действует болезненно. Она поспешила добавить:

– А еще Пикассо, да... И Малевича. Малевич – это наш художник, русский. Говорят, что «Черный квадрат»... под ним просто какая-то неудавшаяся картина. Он ее закрасил и выдал за высокое искусство, а все повелось.

Вера сморщилась, когда непрошеным вырвалось жаргонное словечко, которым ее заразил Эмиль. Хотелось говорить на красивом французском, так же поэтично, как Даниель. Тот шел в своем бесформенном пальто, с низко опущенной головой, в очках – такой уязвимый и трогательно-печальный, как поэт Серебряного века, и даже немножко похожий на Блока. Но когда Вера ляпнула самый распространенный миф о русском авангардисте, Даниель посмотрел на нее так, будто она продемонстрировала ему оленьи рога или показала язык. Он сначала опешил, а потом рассмеялся.

– Вы правда так думаете? – спросил он сквозь смех. – Просто закрасил неудавшуюся картину?

– Ну да. – Вера нахмурилась, решив, что до конца будет отстаивать свою точку зрения. Ее всегда тянуло отругать картины, на которых не было какой-то определенной истории, знакомых и привычных образов, а только каракули, мазня или брызги.

– В России все так думают?

– Мой папа точно так и говорит.

– Но это ведь русский художник, вы обязаны знать, какие идеи он несет через свои картины.

– И какие же?

– Конец искусству!

– Что? – не поняла Вера, наклонилась и демонстративно заглянула в лицо собеседника.

– «Черный квадрат» знаменует собой конец искусства. Малевич поставил точку. Именно поэтому картину на выставке «0,10» он определил в угол помещения, подобно тому, как в домах России располагали иконы. Красный угол. Полагаю, такие вещи вам должны быть известны.

– Серьезно? – скривилась Вера, впервые слыша эти подробности.

Они перешли дорогу, и она поймала взглядом указатели перед кафе на углу под широкой темно-зеленой маркизой. Нотр-Дам направо, Театр Европы (Одеон) налево. Впереди решетчатое ограждение Люксембургского сада.

– Почему конец искусства? – продолжала недоумевать Вера. – Тем более после Малевича была куча разных художников. Например, тот же Бэнкси. Искусство не умерло.

– Именно об этом я и писал в своей диссертации, которую начал еще на первом курсе. Искусство не умерло. Но в двух словах не объяснишь. Даже за десяток лет не расскажешь, почему оно не умерло и будет жить вечно.

Вера затаила дыхание, как будто впервые увидела на его лице улыбку – теплую, обращенную к ней. Сквозь стекла очков, вроде тех, что были на Гарри Поттере, лучились его глаза, удивительным образом меняющие окраску: в темноте казались серыми, при освещении – голубыми, а иногда отливали изумрудным сиянием. От уголков пролегли лучики морщинок. Складки вокруг рта под едва пробивающейся щетиной делали его похожим на рано постаревшего юношу.

И тут Вера поняла, что начинает влюбляться...

– Вы попробуйте, – пробормотала она, поймав себя на мысли, что разглядывает его лицо. – Я ведь теперь спать не смогу. Стыдно не знать таких вещей.

– Начнем с того, что где-то во второй половине девятнадцатого века возникли два важных феномена: кризис классического искусства, и Эдуард Мане. – Он тронул переносицу очков, как Знайка из повести Носова.

– Это тот, что написал «Завтрак на траве»? Его я знаю. И Клода Моне, и импрессионистов тоже. В городе, где я родилась и выросла, тоже есть музеи. Например, Эрмитаж. Вы бывали в Эрмитаже?

– Конечно! – О, эта его улыбка, лучики в уголках глаз под линзами очков!

– Не подумайте, что я сомневалась.

– Если вы видели полотно «Завтрак на траве», то, наверное, понимаете, что манера живописи совсем не похожа, скажем, на картины Рубенса или Никола Пуссена.

– Заметно.

– В те годы популярные картины самых маститых мастеров выставлялись в Парижском салоне. Но все больше и больше художников туда не попадали. В основном те, которые искали свой авторский стиль, пытаясь вырваться за рамки привычных канонов. Для примера достаточно взять картину Александра Кабанеля, самого значительного представителя академизма в свое время – «Рождение Венеры» – и поставить ее рядом с «Впечатлением» Клода Моне. Попробуйте закрыть глаза и мысленно представить их вместе. Что вы чувствуете?

Они шли вдоль ограды Люксембургского сада, и Вера вскинула руку к решетке, продолжая идти с закрытыми глазами. Даниель подхватил ее под локоть.

– Я не говорил буквально закрыть глаза. Вы же упадете, Вера!

– Я родилась в Советском Союзе... ну почти, я девяносто пятого. Сказали закрыть глаза, я и закрыла, – ответила она, продолжая идти вслепую, одной рукой касаясь решетки, другой держась за плечо своего спутника.

– О-ля-ля, я же имел в виду представить перед внутренним зрением, – поцокал языком он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.